

18+

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ

МАРИНА САРЫЧЕВА

Марина Сарычева

Последний полет

«Издательские решения»

Сарычева М.

Последний полет / М. Сарычева — «Издательские решения»,

Жизнь бывшего астронавта Ивана Завадского течет спокойно и размеренно, несмотря на присутствие в доме необычных питомцев. Спокойная жизнь рушится из-за внезапной смерти старого друга хозяина дома. Полиция не верит в несчастный случай. Подозрение в убийстве падает на Ольгу, невесту Ивана. Отчаявшаяся девушка пытается сама найти преступника, но поимка убийцы все еще больше запутывает. Возможно, корни преступления следует искать не на Земле, а на одной из планет далекой звезды Пси Октанта.

© Сарычева М.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	22
Глава пятая	26
Глава шестая	31
Глава седьмая	36
Глава восьмая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Последний полет

Марина Сарычева

© Марина Сарычева, 2026

ISBN 978-5-0070-5989-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

###

Кто бы объяснил, почему я не такой, как папа? Может, я мутант или болен редкой экзотической болезнью? Или что-то нехорошее случилось со мной в детстве и непоправимо изменило мою последующую жизнь?

Дело в том, что я не умею говорить. Вы только не подумайте, что я глупец или лентяй! Я знаю все слова, я даже мысленно их проговариваю, но, как бы ни старался, не могу издать ни звука. Но я настойчиво пытаюсь выговаривать эти капризные, неподдающиеся мне звуки и слова.

Почему это так важно для меня? Причина в моем папе. Как только я заговорю, он наконец-то меня заметит и, надеюсь, проявит ко мне интерес. А пока я для папы никто. Я точно это знаю, потому что слышу не только разговоры папы с окружающими, но и мысли в его голове. Я-то его мысли слышу, а он мои не слышит. Интересно, почему?

Так вот, папа обо мне совсем не думает, а если все же думает, то лишь о том, что я безмозглый и необучаемый. Играть со мною он не хочет — что толку тратить время на безмозлого! Даже на улицу меня не выпускает.

Вот и слоняюсь целый день по дому, не знаю, чем себя занять. Подолгу смотрю в окно, да только ничего особенного за окном не происходит. Ну, разве что дождик вдруг закапает, или белка пробежит по дереву, или птичка споет свою глупую песенку... Скучно!

Гораздо интересней телик, тот, что на стене в гостиной, но есть одна проблема. Сам я включить его не могу — об этом нужно попросить какую-то Алису, и не мысленно, а вслух. Вот и приходится часами дожидаться, когда к Алисе обратится кто-нибудь из взрослых. Обычно к ней обращается папа, реже — тетя Оля, и очень редко — дядя Миша. И польщенная вниманием Алиса тут же выполняет их желания.

Как только из телика раздаются звуки, я сразу тут как тут. Смотрю по телику разные программы и запоминаю все, что там показывают. Ну абсолютно все! И пусть я многого пока не понимаю, но с каждым днем я становлюсь умнее, а знания мои приумножаются. Жаль, что папа об этом не знает.

Мой папа очень умный, он понимает все, что происходит в телике. Вот бегают по полю люди за мячом... Для меня их действия бессмысленны, а для папы очень даже интересны. Почему-то он за них переживает (не за всех, а лишь за тех, кто в фиолетовом) и даже мысленно их подгоняет. А у меня — одни вопросы. Почему он волнуется лишь за фиолетовых, ведь другие вроде бы ничем не хуже? Зачем им всем понадобился мяч — предмет ничем не примечательный, ну разве что прыгучий? И если уж им всем так нужен мяч, то почему бы людям на трибунах не принести с собой мячи, чтобы на всех хватило. И бегать бы зря не пришлось!

Еще мой папа любит передачи о природе, и я тоже охотно их смотрю. Какая же она красивая и разная — природа в телике. Ею можно любоваться бесконечно! Огромные горы, достигающие почти до неба, бескрайние синие моря, величавые реки с водопадами, глубокие каньоны, в которые никогда не заглядывает солнце, знойные пустыни с барханами из нежнейшего желтого песка, растения различных форм, размеров и окрасок и всевозможные птицы и зверюги — все это неизменно вызывает у меня живейший интерес.

Но в телике есть кое-что получше. Это — фильмы с живыми актерами! В фильмах есть что-то вроде волшебства. Я точно знаю, что в них все происходит понарошку, но каждый раз об этом забываю. Кому-то из героев я искренне сочувствую, кого-то буквально ненавижу, а на некоторых очень сильно злюсь — ну нельзя же быть такими идиотами! После фильмов я часто сам не свой. Я бы обсудил все это с папой, если б не был безголосым. А пока мне остается только слушать разговоры взрослых — папы, тети Оли и дяди Миши.

Признаюсь, тетя Оля и дядя Миша мне не нравятся. Да и за что их любить-то? Сколько себя помню, не слышал от них ни единого доброго слова. Дядя Миша никогда не смотрит в мою сторону и всячески старается меня не замечать, а тетя Оля как-то подозрительно ко мне присматривается, даже один раз меня потрогала — хоть какой-то знак внимания! И пахнут они по-разному.

У тети Оли запах резкий и называется — «духи». Я раньше думал, что она сама так пахнет, но все оказалось сложнее. Ее запах заперт в маленьком флакончике, из которого она то и дело брызгает пахучую водичку. Ей кажется, что этот запах привлекает папу, но папе он совсем не нравится, просто он молчит, чтобы тетю Олю не обидеть. А запах дяди Миши зависит от того, как часто он играет с папой в странную игру под названием «угговорить бутылочку».

Название игры — одно из многих выражений, смысл которых мне совершенно непонятен. Из бутылки папа с дядей Мишей просто пьют и совсем ее не уговаривают! И обращаются всегда только друг к другу, и никогда к самой бутылке. Возможно, с помощью названия игры они хотят запутать тетю Олю. Она не любит, когда папа с дядей Мишей выпивают, а тут не «выпивают», а «угговаривают». Совсем другое дело! Для себя-то я давно решил — никогда не буду «угговаривать» даже самые красивые бутылки. Ну, если только меня попросит папа... Да только что-то мне подсказывает, что он меня об этом не попросит.

Дядя Миша частенько приходит к нам в гости, а тетя Оля, к сожалению, у нас живет. Я помню дни, когда ее здесь не было, и папа занимался мной гораздо чаще. Увы, не только мной, но и живущими здесь дармоедами, но все равно это были хорошие дни. По крайней мере, я не чувствовал себя таким заброшенным.

Потом в доме появилась тетя Оля, и все резко изменилось. Папа начал заниматься тетей Олей, а обо мне почти забыл. Я обижался, даже злился, а что толку? В конце концов, я решил дожидаться, когда папе надоест его новая подружка. Должна же она когда-нибудь папе надоесть! Но время шло, а тетя Оля от нас все не съезжала. Так и не съехала. Полюбить ее я, конечно, не смог, но постепенно к ней привык. Ну, живет и живет, за домом следит, кормит всех, включая наших дармоедов...

Папа и его подружка не всегда бывают дома. Несколько раз в неделю, по утрам, они куда-то уезжают на машинах. В городе у них какая-то работа, а что все это значит, остается лишь догадываться. Ясно лишь одно — если ты взрослый, ты должен ходить на работу. Я тоже хотел бы пойти на работу. Эх, скорей бы мне вырасти!

А потом у папы с тетей Олей наступают выходные. Выходные они раньше проводили вместе, а теперь обычно порознь. Тетя Оля, судя по ее рассказам, в городе встречается с подругами и по магазинам ходит. Ну а папа дома отдыхает — читает книжки, смотрит телик или развлекает дядю Мишу.

Кроме игры в «бутылочку», у папы с дядей Мишей есть еще одна любимая игра. Игра называется «банька». Они заходят в маленький одноэтажный домик — его видно из окна гостиной, и что-то там непонятное делают. Потом голышом выбегают наружу и прыгают в речку. А в речке фыркают, плещутся, дурачатся. Вот бы и мне так когда-нибудь!

Вечера в нашем доме похожи один на другой. Сначала папа с тетей Олей смотрят телик, потом по очереди чистят зубы и принимают душ. После этого у них бывают непонятные толкания в постели — тоже, видимо, какая-то игра. А потом они до самого утра молчат и ровно дышат.

Мне становится скучно, и я слоняюсь по нашему большому дому, то и дело натываясь на живущих в доме дармоедов. На самом деле их зовут «питомцами», но слово «дармоеды» к ним подходит лучше, потому что от них никакого толку. И зачем только папа их здесь поселил?!

Говорить они тоже не умеют, но не это главное. Пустота у них в мозгах — вот что главное. Ни одной мало-мальски интересной мысли! Одни желания, к тому же примитивные до отвращения.

щения — поест, справить нужду, потереться о папины ноги, да в жаркую погоду поплескаться в маленьком бассейне на веранде. Нет, они мне явно не компания!

Но иногда мне удается уловить снаружи нечто интересное. За стенами дома, похоже, живет существо, мыслей у которого гораздо больше, чем у наших дармоедов вместе взятых. Его мысли не похожи на мои и папины, потому что он не думает словами, а все время что-то представляет.

Вот он в каком-то странном помещении без мебели, с кривыми стенами и потолком. В том помещении живут мохнатки — не знаю, как они на самом деле называются, но очень уж мохнатые. Существуют белые мохнатки — они крупнее и солиднее других, черные — они мелкие, писклявые и юркие, и пегие — они задиристые, ловкие, крупнее черных, но меньше белых. А вот он уже на равнине, поросшей какими-то кустиками, испещренной мелкими речушками и окруженной угрюмыми серыми скалами. Сидит на вогнутой спине большого белого мохнатика и слушает, что тот вещает.

Одного я не пойму — где он все это видел? Лично я ничего подобного не видел даже в телике. Может, это где-то очень далеко, так далеко, что даже телик туда дотянуться не может?

Не зная его имени, я назвал его мечтателем. Я не раз пытался мысленно с ним пообщаться, но он почему-то не хочет контактов. Его обычная реакция на мой дружелюбный мысленный призыв — нечто вроде раздраженного «отстань». Не словесное «отстань», но очень даже осязаемое. Ну и ладно! Мне не очень-то и надо. У меня есть папа, у меня есть телик, это у него — одни мечты. Просто любопытно на него взглянуть. Он где-то рядом, нужно лишь выйти наружу. Как бы мне это сделать?

Задача поначалу казалась нерешаемой, ведь дверь на улицу всегда закрыта. Но я упорный и не привык сдаваться. Наблюдая за взрослыми, я постепенно во всем разобрался. Дверь наружу открывается, если хитрым образом сдвинуть рычажок на небольшом устройстве под названием «замок». Главное ее потом не закрывать, иначе так и останешься снаружи. А для надежности, ну чтоб уж точно не закрылась, можно что-то подложить под дверь. Осталось лишь дожидаться, когда взрослых не будет дома.

И однажды я решился. Папа с тетей Олей укатили на работу, в доме были только я и дармоеды. Дармоедов я закрыл в одной из комнат, а потом аккуратно сдвинул рычажок замка, подложил под дверь кроссовку тети Оли и тихонько ускользнул из дома.

Я был буквально оглушен лавиной новых запахов и звуков. Еще я ощутил сквозняк, и сразу стало как-то зябко. От крыльца вела дорожка, покрытая асфальтом. А по сторонам росли деревья — огромные, намного выше папы. Деревья создавали тень и угрожающе шумели.

Мне захотелось вернуться в дом, но я, собравшись с духом, подавил свой страх и направился в ту сторону, откуда доносились мысли одинокого мечтателя. Сначала по большой асфальтовой дорожке от крыльца, затем по маленькой дорожке, мимо остро пахнущих деревьев и кустов.

Наконец деревья расступились. На открывшейся взору поляне стояла низкая прозрачная постройка прямоугольной формы с непрозрачными перегородками внутри. Мечтатель явно находился где-то в ней.

Приблизившись к постройке, я с удивлением обнаружил, что в ней обитает сразу несколько существ, и каждое из них заперто в своем вольере. Прозрачная наружная стена давала мне возможность всех их хорошенько рассмотреть.

Ну и чудики! На вид — один диковинней другого, но в то же время было в них что-то знакомое, словно я их раньше уже видел.

В первом вольере обитало существо размером с крупную собаку, без шерсти, с гладкой пятнистой кожей, с сильными и очень гибкими конечностями. Всего я насчитал шесть лап: на четырех оно стояло, еще две держало на весу. Тело у странного зверя было поджарым и удлиненным, небольшая голова по форме напоминала шар с ушами тонкими, подвижными и

сильно заостренными. Его крупные неподвижные глаза однородного темно-серого цвета были лишены зрачков и радужки. Рот, расположенный в центре конусовидной морды, смотрелся круглой дыркой с острыми зубами по периметру. Нос как таковой отсутствовал, зато имелись две дырочки возле ушей, которые то расширялись, то схлопывались. Существо энергично падало по клетке и роняло изо рта слюну. Оно явно хотело порезвиться, но резвиться было негде, да и не с кем.

Во втором вольере томилось существо чуть крупнее первого, отдаленно похожее на мелкую лань без рогов, с короткой серой шерсткой и большим белым пятном на лбу. Оно стояло на четырех высоких ножках с изящными копытцами. Помимо ножек, на уровне груди у существа имелись две гибкие лапки с коротенькими пальчиками. Лапками оно почти непрерывно почесывалось. Голова у существа была маленькая, удлинённая, с заостренными серыми ушками и такими же большими неподвижными глазами, как у его пятнистого соседа. Существо стояло у стены и смотрело прямо в мою сторону, но меня, похоже, не видело. Затем вдруг начало припихиваться, недовольно фыркнуло и направилось к своей кормушке.

В третьем вольере обитало существо довольно крупное и мощное, слегка похожее на шестиноного коня без гривы, с вытянутой в виде трубки мордой, удлинённым телом и редкой, почти бесцветной шерстью. Под шерстью проглядывала плотная серая кожа. Все шесть ног у него были ходовые, и на каждой ноге — крупное копыто. Правая передняя нога оказалась кривой — вряд ли он таким родился. Шестиногий неровной рысью бежал по кругу, но разве ж в вольере разбежишься? Ему бы помещение побольше — он бы сразу пустился вскачь, и кривая нога не помешала бы! Его огромные глазищи однородного темного окраса были столь же неподвижными, как и у пятнистого и белолобого, и уши как у них — острые и чуткие, и вместо носа — дырочки возле ушей. Я, конечно, не специалист, но объединил бы всех троих в одну компанию.

Последний обитатель прозрачного сооружения в эту компанию явно не вписывался. С ног до головы покрытый пушистой белой шерстью, он сидел с грустным видом, привалившись к какой-то камерке, четыре лапы поджав под себя, еще четыре сложив на груди. Голова у него была довольно крупная, грушевидной формы. Большие мягкие уши спускались на круглые плечи. Нос казался маленькой розовой пуговкой, а рот был подобен длинной щели. Выразившие вселенскую тоску глаза с переливчатыми радужками неотрывно смотрели куда-то в пространство.

Это и был мой мечтатель. Гляди на него, я наконец-то понял, почему он грезил о мохнатиках. Да потому, что он и сам мохнатик! Он и сейчас сидит и грезит. На равнине между серых скал он мысленно играет и дурачится с маленькими черными мохнатиками. В мечтах он видит себя маленьким и почему-то черненьким, а сам совсем не маленький — крупнее своего пятнистого соседа, и абсолютно белый.

Я снова попытался наладить с ним контакт и снова был отвергнут. Ну почему он так себя ведет? Неужели лучше грустить одному, чем дружить с таким, как я? Я же чувствую его тоску и искренне хочу ему помочь. Мы могли бы вместе с ним мечтать или просто обмениваться мыслями. Я бы мысленно рассказывал ему истории, ведь каждый фильм, который я смотрел по телику, это отдельная красивая история. Ему бы точно было со мной интересно! Так почему же он избегает общения?

Я нехотя покинул обитателей прозрачного сооружения и стал осматривать сад возле дома. Сад привел меня в восторг. Еще бы! В отличие от ярких, но бесплотных картинок в телике, в нем все оказалось реальным, ко всему можно было прикоснуться, а кое-что даже попробовать на вкус. Среди деревьев змеились узкие дорожки, покрытые разноцветной мелкой плиточкой, а в тенистых уголках стояли яркие, красивые скамеечки с мягкими и теплыми сиденьями.

Центральная дорожка, начинавшаяся от крыльца, пролегла через сад и выходила на шоссе, по которому с огромной скоростью проносились разные машины. От широкой центральной дорожки отходили в стороны более узкие и терялись среди деревьев.

Сад обрамлял наш дом с фасада и с боков, а за домом раскинулась лужайка, полого спускавшаяся к реке. На лужайке сиротливо стояла папина банька. Осмотрев ее со всех сторон, я направился к реке. Река меня влекла и в то же время вызывала ужас. Я слышал, что она ужасно мокрая, прямо как душ, который очень любит тетя Оля. Чтобы в этом убедиться, нужно было окунуться в реку, но в последний момент меня одолели сомнения. А вдруг я не умею плавать?

Окунуться в реку я так и не решился. Вернулся в дом, убрал из-под двери кроссовку тети Оли и аккуратно повернул рычажок замка. Дармоедов, закрытых мною в комнате, выпустил гулять по дому. Теперь ни папа, ни дядя Миша, ни даже въедливая тетя Оля не заметят ровным счетом ничего. Согласитесь, я совсем не глупый!

Глава вторая

Малыш не понимал, почему он здесь один. Ведь когда-то у него была семья — несколько десятков взрослых и около сотни малышей. Сам он в то время был еще совсем мальцом, подолгу ездил на спине у взрослого и слушал бесконечные рассказы о берлунах и подземных богах.

Вставало и садилось белое сияющее солнце, его сменяли две большие серебристые луны, потом вновь восходило солнце, и так случалось много-много раз. Розовели на рассвете скалы, днем поверхность скал приобретала благородный серый цвет, а в свете лун их силуэты внушали необъяснимый страх. А в отдалении, в туманной льдистой дымке, в любое время дня и ночи сверкали белизной заснеженные горные вершины.

Большое межгорное плато, по которому гуляли берлуны, излучало приятное тепло. Оно было покрыто низкорослыми растениями, усыпанными мелкими белыми и красными цветами. С гор на плато стекали быстрые прохладные ручьи, они сливались в небольшие бурные речушки, кишевшие разнообразной водной живностью. Взрослый временами останавливался у речушки, запускал четыре лапы в воду, доставал оттуда скользких, трепыхающихся существ и отправлял их в рот. Для малыша он доставал из речки копошащихся белесых червячков, удивительно сочных и вкусных. Насытившись, они вновь бродили по окруженному скалами плато, и малыш, разинув рот, внимал удивительным рассказам взрослого.

О том, что находится дальше за скалами, он поначалу не задумывался, но время шло, и в голове его рождались разные вопросы. Однажды, набравшись смелости, он спросил у взрослого: «А что скрывается за скалами?», и услышал довольно странный ответ:

— Многие считают, что за скалами кончается земля, но ты этому не верь. Земля там точно не кончается.

— А где же она кончается? — блестя большими любопытными глазами, спросил малыш. Взрослый почесал четырехпалой лапой свой крепкий шерстистый затылок.

— Видимо, нигде. Я слышал от отца, а он от деда, что если двигаться все время прямо, ни разу не сворачивая, то попадешь туда, откуда начал путь.

Переливчатые глазки малыша вспыхнули восторгом.

— Вот это да! А ты сам так делал?

— К сожалению, теперь это невозможно, — опечаленно ответил взрослый. — Нас окружают горы и глубокие ущелья, их преодолеть нельзя. Но давным-давно, когда скалы здесь еще не выросли, небольшие группы отважных берлунов уходили в далекие походы и возвращались с противоположной стороны. Их путешествие длилось много дней. Где-то они шли, где-то плыли на огромных деревянных лодках, но все время в одном направлении.

Малыш от удивления ослабил хватку и чуть не свалился со спины взрослого. Взрослый подхватил его когтистой лапой и максимально бережно вернул на место.

— Неужели скалы здесь были не всегда? — растерянно пролепетал малыш.

Взрослый помолчал, словно сомневаясь, стоит ли рассказывать такие вещи маленькому берлуну, но потом продолжил говорить.

— Да, когда-то это место было совсем другим.

— А каким оно было?

Взрослый не спешил с ответом. Подойдя к речушке, он ловко подцепил пару рыбешек и отправил себе в рот.

— Хочешь червячков? — спросил он малыша.

— Не хочу! Расскажи мне, что здесь было раньше! Что ты видел?

Взрослый тяжело вздохнул.

— Сам-то я ничего не видел. Но я знал одного старика-берлуна... Тот старик был очень-очень умным. Он даже мог читать священные дощечки, что хранятся в глубине пещеры. Помнишь, я тебе их показывал?

— На них еще были какие-то странные черточки, — радостно отозвался малыш. — Что они означают?

— Никто не знает, — в урчащем голосе большого берлуна сквозило сожаление. — Тот старик был последним, умевшим читать. Он пытался учить меня чтению, но я был слишком юным, глупым и ленивым. А потом он умер, и не осталось никого, кто мог бы прочесть священные дощечки. Но он успел мне рассказать, каким когда-то было это место.

Малыш весь обратился в слух.

— И каким же оно было?

— Скал тут точно не было. Кругом была равнина, и на ней росли высокие деревья.

Малыш растерянно заморгал глазами.

— А что такое высокие деревья?

Взрослый почесал затылок одной из четырех передних лап.

— Как бы тебе объяснить... Видишь вон тот маленький кустик? А теперь представь, что этот кустик стал огромным.

— Огромным, как ты?

— Я не огромный, я просто большой. Деревья были гораздо больше меня. И они тут были повсюду.

— Куда же делись все деревья?

Взрослый печально вздохнул.

— Однажды земля очень сильно задрожала и потрескалась, и на месте равнины выросли скалы. После этого деревья умерли. Многие берлуны тогда тоже умерли, но не все. Наши предки чудом выжили.

Малыш сопел, с трудом осмысливая информацию. Слишком уж странные вещи говорил ему взрослый.

— Но если здесь не было скал и пещер, то где же жили берлуны?

— Они сами строили себе пещеры.

— А из чего они их строили?

— Из высоких и крепких деревьев. У берлунов были разные штуки из камня, с помощью которых они строили пещеры. А еще они умели приручать огонь. Огонь кормили ветками деревьев, и он всегда был рядом с берлунами.

Этого малыш понять не мог. Как это возможно — приручить огонь? Ведь приручить огонь могут только боги.

— Неужели раньше берлуны были богами?

Взрослый глухо заурчал и помотал мохнатыми ушами.

— Нет, конечно. Боги — это боги, а берлуны — всего лишь берлуны, и никогда богами не были. Обычно боги не касаются жизни берлунов, и хорошо бы так было всегда.

То, что он — берлун, малыш давно усвоил, но кто такие боги, он представлял себе довольно смутно. Если верить взрослому (а как ему не верить?), они огромны и живут в глубоких каменных ущельях. Но если боги захотят, то могут запросто летать по небу. В глубине своих ущелий боги занимаются странными делами. Они зачем-то нагревают землю, и из трещин в каменных породах поднимается горячий пар. А еще они любят играть в догонялки, подобно маленьким веселым берлунам. Но боги так огромны, что от топота их ног дрожат пол и стены пещеры.

Если боги живут в мире, то наверху все тихо и спокойно. Но иногда случается, что боги ссорятся. Если ссора небольшая, и боги успевают быстро помириться, то ничего ужасного не происходит. Но у богов бывают ссоры не на жизнь, а на смерть. И тогда разгневанные боги

вырываются из своих ущелий и начинают яростно трясти серые скалы. Пока одни трясут и разрушают скалы, другие боги поджигают небо. Так наступает «жертвенный день». Напуганные берлуны поспешно покидают ставшие опасными пещеры и выбегают на плато. Но и здесь их ждет смертельная опасность — по плато бьют огненные стрелы. Тому, кто стал добычей огненной стрелы, помочь уже невозможно.

Когда все наконец стихает, выжившие берлуны хоронят мертвых в каменных ущельях и возвращаются в уцелевшие пещеры. Тех, чьи пещеры разрушены, принимают их соседи. Постепенно жизнь налаживается, и все живут спокойно до следующего «жертвенного дня», который может наступить лишь через много-много лет. О «жертвенных днях» слагают легенды. Эти легенды взрослые рассказывают малышне, а малышня принимает их за сказки.

Малыш тоже думал, что «жертвенные дни» — это всего лишь сказки. Очень страшные, но сказки. Мир вокруг так безмятежен и стабилен — что плохого может в нем случиться?! На цветущем плато между скал всегда вдоволь еды и воды. Уютная пещера согревает и защищает от дождя, ветра и снега. Рядом с ним его товарищи для игр и наставник, знающий обо всем на свете. Где-то в глубине пещеры пылятся старые священные дощечки, знаки на которых ныне невозможно прочесть. А рядом с дощечками валяются разные штуки из камня, которыми давным-давно никто не пользуется.

Но сказка оказалась правдой! Однажды утром в глубине пещеры раздался сильный грохот и страшно содрогнулись стены. Не мелко задрожали, как бывало часто и никого особо не пугало, а заходили ходуном и стали рассыпаться каменными глыбами.

Все мгновенно вскочили с лежанок. Молодые берлуны растерянно метались по пещере, но старые прикрикнули на них и велели срочно выбираться на плато. Подхватив под мышки самых маленьких детенышей, берлуны ринулись наружу. Детеныши постарше бежали сами, и малыш был среди них. Их сопровождали взрослые, торопя шлепками отстающих.

Малыш бежал вместе с ровесниками, но вскоре, запыхавшись, начал отставать. Внезапно прямо перед ним разверзлась трещина, отделившая его от бегущих впереди собратьев. Он закричал, но впереди его никто не слышал, потому что все вокруг ужасно грохотало. Грохотали скалы, грохотало небо, непривычно темное, но при этом извергавшее огонь. Огненные стрелы били по плато, оставляя на поверхности круглые черные кляксы. Одна стрела попала в группу берлунов, и малыш согнулся от внезапной боли. В этой группе он никого не знал, но боль чужого берлуна воспринималась им, как собственная боль.

Малыш остановился перед трещиной, слишком широкой, чтобы ее перепрыгнуть. Он в страхе метнулся назад, но сзади тоже оказалась трещина. Бежать было некуда. Поверхность, на которой он стоял, внезапно дрогнула, накренилась и стала медленно ползти куда-то вниз. Всеми восемью конечностями малыш цеплялся за кусты и землю и дрожал от напряжения и страха. Вместе с кустами и землей его влекло в глубокую расщелину, раскрывшуюся несколько секунд назад. Из расщелины валил горячий едкий пар, вызывая обильные слезы из глаз и резкий кашель.

Но внезапно случилось чудо. Малыша вдруг оплело упругой крепкой сетью и втянуло в какую-то летящую пещеру. В летающей пещере оказалось жарко и светло, и в ней находились жуткие чудовища со странным запахом, четырьмя конечностями и лицами, голыми, как камни. Одно чудовище вынуло его из сети, плотно прижало к себе и стало угрожающе водить ему по голове своей худой бесшерстной лапой. Малыш сначала пытался вырваться, а дальше лишь дрожал и поскуливал от страха.

В пещере оказались круглые отверстия, закрытые чем-то похожим на льдинки. В них было видно, как сверкают в небе молнии и как куда-то уплывают его родные скалы. За стенами летающей пещеры непрерывно грохотало, и тихое урчание самой пещеры терялось в этом страшном грохоте.

Потом гром прекратился, а в круглых отверстиях уже не видно было ни молний, ни серых скал, а только небо — бесконечное прозрачно-голубое небо с белыми комками облаков.

А потом пещера тихо вздрогнула и застыла неподвижно. Через несколько мгновений в ней открылось новое отверстие, крупнее прочих. Прижимая к себе малыша, гололицый шагнул в отверстие.

Оглядевшись, малыш с испугом обнаружил, что очутился в сказочной стране. В ней было непривычно влажно и тепло, а вокруг росли те самые высокие деревья, о которых говорил наставник. Их ветви угрожающе качались на ветру и шелестели продолговатыми сине-зелеными листочками. Серых скал, сколько малыш их ни высматривал, в окрестностях не наблюдалось, лишь одна высокая и узкая скала возвышалась прямо перед ним. Скала была темной, блестящей и гладкой, а ее остроконечная вершина стремилась к облакам.

Гололицый вместе с малышом вошел в скалу (в ней оказался большой проем) и понес его куда-то вглубь по светящимся туннелям. По пути им встречалось много таких же гололицых существ, издававших быстрые и неразборчивые звуки. «Так вот они какие — боги!» — подумал маленький берлун, трепеща от ужаса и отвращения. Он представлял богов иначе. В его воображении они были огромными, как скалы, а эти чудища с голыми лицами были чуть больше самих берлунов. Но они умели летать по небу! Значит, все-таки боги...

Наконец его засунули в какой-то ящик с решетчатыми стенками и накрепко закрыли маленькую дверку. Малыш отчаянно урчал, умоляя его выпустить, но на его мольбы никто не обращал внимания. Гололицые его разглядывали, как диковину, своими маленькими глазками и что-то быстро обсуждали на своем певучем языке. Тогда он понял, что просить и умолять их бесполезно, и замолчал.

И потянулись дни в закрытом решетчатом ящике, куда ему исправно доставляли воду и еду. Рядом были похожие ящики с разными диковинными тварями. Он поначалу боялся этих тварей, но потом сообразил, что они тоже заперты и достать его никак не могут. Поначалу твари днем и ночью верещали на разные лады, но постепенно успокоились, видно, стали привыкать к неволе. В конце концов, они здесь были в безопасности, и еды у каждой твари было вдоволь.

Дважды в день их навещал тот самый гололицый «бог», что был рядом с малышом в летающей пещере, а потом принес его в скалу. Он раскладывал еду по ящикам, при этом что-то бормотал на непонятном языке. Из всех «богов», живущих в глубине скалы, он был самым добрым. И имя у него было красивое — Уания. Другие «боги» были либо равнодушны к несчастным пленникам, либо чрезмерно любопытны и смешливы. Любопытные обычно собирались возле клеток небольшими группами, показывали пальцами на запертых уродцев, при этом их розовые рты растягивались и грозно ощеривались белыми зубами.

Малыш не понимал, чего они хотят. Он поворачивался к ним спиной, зажимал глаза и представлял родные скалы, своих друзей, большого белого наставника... В своих мечтах он был почти что счастлив.

Он уже не верил в перемены, но они все же наступили. Однажды малыша и его странноватых соседей вместе с ящиками вынесли наружу. Он вновь увидел узкую темную скалу, а чуть подальше еще несколько подобных скал. Долго любоваться скалами ему не дали, а погрузили прямо в ящике в новую пещеру. Пещера хищно заурчала и начала слегка раскачиваться и подрагивать. Они опять куда-то полетели.

На этот раз их полет был недолгим. Ящики снова вынесли наружу, и малыш с испугом огляделся.

Они прибыли в довольно странное местечко, где была всего одна низкая скала, окруженная ветвистыми деревьями. На небольшом участке, свободном от деревьев, три гололицых «бога», среди которых был и Уания, быстро возводили из готовых блоков некое сооружение, и это было явно не к добру. Когда сооружение было готово, в него переселили малыша и трех

его соседей — тех, что покрупнее. Пленников помельче куда-то унесли, и больше малыш их не видел.

В помещении, куда его перевели, он был один, но за перегородками он ощущал других существ. Тут было чисто и относительно просторно, а вдалеке он видел знакомые серые скалы. Но скалы, увы, оказались обманкой — при любой попытке к ним приблизиться он неизбежно упирался в стену. Когда он понял, что серые скалы — обманка, он потерял к ним всякий интерес.

Последующие дни были почти неотличимы друг от друга. Два раза в день к нему являлся кто-то из «богов» — уже знакомый Уания или другой, помельче (его звали Уолия), а иногда и оба сразу. Они давали ему пищу, подсовывали мягкие игрушки, чесали ему спинку маленьким скребком, негромко приговаривая: «Тщерныш кхоросший», и мимоходом обсуждали какие-то свои дела. Речь у них была певучая и не очень сложная. Постепенно малыш научился ее понимать и все ждал, когда они заговорят о том, чтобы вернуть его домой. Но об этом «боги» никогда не заговаривали.

А однажды вместе с Уанией пришел его приятель Мисшиа. Пришел и сразу стал глумиться над несчастным пленником, ничуть не сомневаясь, что тот не понимает его слов.

— Давненько я не видел этого мохнатого уродца! Кстати, он довольно сильно изменился. По-моему, он стал еще уродливей. Какой-то мерзопакостный гибрид кентавра, многоножки и собаки с длинными висящими ушами. И, похоже, он к тебе совсем не привязался. Все такой же нелюдимый, как на корабле, а смотрит так, как будто ты ему реально что-то должен. Не хочешь пристроить его в зоопарк? В отдел инопланетной фауны? За такого чудика получишь неплохие бабки!

— Об этом даже речи быть не может! — резко ответил Уания. — Все мои питомцы останутся со мной.

После визита Мисшии малыш впервые осознал, насколько он, на взгляд «богов», нелеп и некрасив. С тех пор он окончательно замкнулся. Когда кто-то из «богов» заходил к нему в вольер и пытался с ним общаться, он забивался в дальний угол, выжидая, когда посетители уйдут. К счастью, «боги» приходили ненадолго, и он почти все время был один.

Но не только боги хотели с ним общаться. Был еще кто-то невидимый, незаметно проникавший к нему в голову и настойчиво пытавшийся подружиться с ним. Малыш подобные попытки сразу отвергал, потому что это было не по правилам. «Никого не пускай к себе в голову! — поучал его взрослый берлун, охотно делясь с ним богатым жизненным опытом. — Если нахала сразу не выгонишь, он поселится там навсегда!» А взрослый берлун ошибаться не мог.

Глава третья

— Ваня, да что ж это такое?! Твой удав опять разлегся в самом центре комнаты!

Осторожно обойдя животное, Ольга подошла к велюровому креслу с подлокотниками, внимательно осмотрела сиденье и на всякий случай потрогала его рукой. В кресле определенно было пусто, и девушка уже без колебаний плюхнулась в него.

Иван Завадский, полулежавший в соседнем кресле, неохотно оторвался от просмотра фильма на экране телевизора и укоризненно взглянул на Ольгу. Он был среднего роста, мускулистый, подтянутый, с ироничным худощавым лицом и выглядел значительно моложе своего паспортного возраста.

— Оля, хватит ворчать! Я, между прочим, фильм смотрю.

Ольга искоса взглянула на экран. Так и есть, какой-то старый ужастик об освоении дальнего космоса. Полчища инопланетных монстров против горстки астронавтов в легком снаряжении. Астронавты бодро убивают монстров, а заодно спасают местную принцессу, похожую на самку гигантской стрекозы. Что ж, Завадский есть Завадский. Никаких новостных программ или модных шоу! Только старые фильмы, футбол, передачи о науке и живые репортажи о природе...

— А я, между прочим, по дому пройти не могу!

— И чем Канат тебе мешает?

— Чем мне мешает твой удав?! Ты шутишь? Он же страшный!

Завадский добродушно усмехнулся.

— Во-первых, никакой он не удав, и даже не рептилия, а змеехвост с Таона. Змеехвосты, между прочим, теплокровные и живородящие. К тому же у него на теле шерстка, а не чешуя. Потрогай, какой он теплый, мягкий и приятный!

Ольга Пенкина скорчила брезгливую гримасу, которая совсем не портила ее курносую мордашку. Невысокая и складная, с милым, славянского типа, лицом и волнистыми светлыми волосами, она считала себя красивой. Еще она считала себя умной, что, по ее собственному мнению, придавало ей особый шарм.

— Да ты не бойся, потрогай его рукой, он твою руку не откусит! — стал подбадривать ее Иван.

Поджав ноги и вцепившись в подлокотники, девушка съежилась в кресле.

— Отстань, не хочу! Я всех твоих зверушек давно потрогала. Когда я насыпаю им корм в кормушки, они так и лезут под руки.

Ольга вновь взглянула на экран и уже собралась сказать Ивану, что она думает об этом фильме, но вовремя включила внутренний контроль. Да, фильм, конечно, для подростков, а Ване уже за сорок и давно пора смотреть что-то более серьезное, но лучше эти мысли оставить при себе. Если любишь мужчину, нужно принимать его таким, как есть. Да она и сама не безгрешна! Любит походить по магазинам, бездумно тратя деньги, а потом жалея о покупках. Любит посидеть с подружками в кафе, уплетая вкусные пирожные и глубокомысленно судача о мужчинах. И Иван ни разу не сказал, что это плохо. А ведь мог бы...

Почувствовав, что Ольге фильм не нравится, Завадский произнес команду «стоп», и экран погас. Развернув к невесте кресло, он с улыбкой произнес:

— Ну, если ты их всех потрогала, тогда ответь мне, только честно: разве я не прав насчет Каната?

Ольга улыбнулась жениху, но стройные ноги в зеленых лосинах с кресла так и не спустила.

— Ты можешь с ним хоть целоваться, но я его боюсь. Пусть он на ощупь мягкий и теплый, но зубки у него довольно острые. И глазки весьма неприятные, вроде как оценивающие. Неужели сам не видишь?

— Пенкина, не выдумывай! — насмешливо сказал Иван. — Канат не может никого оценивать. Его мозг не больше грецкого ореха, если это мозг вообще... Космозоологи так до конца и не разобрались. Главное, что он совершенно безобиден и ест только растительную пищу. Могла бы дать ему с руки пару картофелин, он был бы тебе очень благодарен.

Пенкина фыркнула.

— Еще чего, пусть ест из миски! Кстати, — тут выражение ее лица несколько смягчилось, — что-то Кузя сегодня капризничает. Я принесла ему банан, а он не подошел. Зато Барсик, напротив, в отличном настроении. Руки мне внезапно облизал, и теперь мне кожу стягивает...

Иван негромко чертыхнулся.

— Сейчас же вымой руки с мылом и мочалкой, а потом намажь их жирным кремом! Его слюна содержит пищеварительные ферменты. Человеческую плоть они не переварят, но дерматит тебе обеспечат.

Ольга вскочила с кресла и, обогнув Каната, устремилась в ванную. Там долго журчала вода. Когда она, наконец, вышла, вид у нее был встревоженный.

— Вань, а зачем он меня облизывал? Он что — съесть меня хотел?

Завадский негодуя взмахнул рукой.

— Да нет, конечно! Просто...

Не закончив предложение, он задумался. Пауза затягивалась. Потеряв терпение, Ольга снова задала вопрос.

— Так чего же хотел Барсик?

Завадский виновато отвел глаза.

— Если честно, то не знаю. Раньше он никогда не лизался. Облизать какой-то фрукт — это для Барсика нормально, так он готовит фрукт к перевариванию. Но облизывать руки хозяйки... Придется заняться его воспитанием.

— Не поздновато ли его воспитывать? Когда ты притащил его на Землю, он был детенышем, а сейчас здоровый, как ротвейлер.

— За три с лишним года все мои питомцы сильно вымахали, — спокойно ответил Иван. — Это было ожидаемо, поскольку я их брал на борт детенышами.

— А ты не жалеешь о том, что привез сюда этих тварей? — заглядывая жениху в глаза, спросила Ольга. — Завел бы, как все люди, собаку или кошку! А эти... Ну какая тебе от них радость?

Завадский крутанул ногами кресло, и оно завертелось, как волчок. Пока Иван крутился в кресле, Ольга сидела, опустив глаза — от вида быстрого вращения у нее кружилась голова.

— Ты всю жизнь провела на Земле, и тебе меня не понять, — остановив вращение, изрек Иван.

— А ты попробуй объяснить! — попросила девушка.

— Видишь ли, Оля, — задумчиво начал Завадский, — для меня мои питомцы — не просто инопланетные твари. Они — мои воспоминания о звездной системе Пси Октаанта. Глядя на них, я словно вновь ступаю по одной из трех ее планет и чувствую себя счастливым. Когда-то мне казалось, что мои полеты в звездную систему Пси Октаанта — обычная работа, теперь я понимаю, что это было нечто большее. Ну что, теперь понятно?

Пенкина нахмурилась. Жених невольно дал ей понять, что она в его жизни не главное. Говорил, что любит Ольгу, но, судя по его высказываниям, свою прежнюю жизнь он любит больше. «Значит, мне есть над чем работать!» — подбодрила она себя.

А Иван тем временем разговаривался.

— Вот уж не думал, что тот полет в систему Пси Октанта будет для меня последним! На медкомиссии перед полетом мне написали «годен», а после возвращения из экспедиции вдруг заявили, что я выработал свой ресурс, и без сожаления списали. Да, жесткая космическая радиация, многократные прыжки через пространство и перенесенные в космосе болезни ослабили мой организм. Каких только болезней я не перенес во время странствий в космосе — от лихорадки Куфа до злокачественной анемии Смайла. Если бы не наш искусный корабельный врач, все могло бы кончиться плачевно... И тем не менее я выкарабкался и был в хорошей форме. Почему же меня вдруг признали негодным? Думаю, все это козни Управления, кто-то, видно, метил на мое местечко.

Ольга молча покивала — не спорить же с Иваном по столь больному для него вопросу!

— Мне разрешили только транспортные рейсы в пределах Солнечной системы. Дальше Плутона — ни ногой. А на что мне эти транспортные рейсы?! Скука, тоска, однообразие. После дальнего космоса уж лучше осесть на Земле, чем влачить унылое существование на каком-нибудь околоземном сухогрузе.

И Завадский тяжело вздохнул. Искренне жалея жениха, Ольга тоже пригорюнилась.

— Видишь ли, Оля, — продолжил Иван, — все три планеты системы Пси Октанта — это нечто фантастическое! На всех условия, комфортные для жизни, и на всех она возникла. Возможно, не сама возникла, а кто-то поспособствовал, но сути дела это не меняет. Правда, есть отличия. На Миманте фауна удивительно однообразная, что ученым еще предстоит как-то объяснить, зато на Гратионе и Таоне — множество презабавных тварей. Но я, поверь, даже не мыслил собирать из этих тварей зоопарк и везти его на Землю. Просто так сложились обстоятельства. Я подобрал лишь тех зверенышей, кто на своей планете был обречен на смерть. Сентиментальным стал с годами, захотелось делать добрые дела. А теперь, глядя на своих питомцев, вспоминаю экспедицию в систему Пси Октанта. Увы, туда мне больше не слетать.

— Ты бы мог полететь туда обычным пассажиром, — с энтузиазмом предложила Ольга. — Я бы тоже с тобой полетела...

Сказала и тут же пожалела. Приятные черты Ивана внезапно исказились в гримасе возмущения. Глядя на него, Ольга почему-то вспомнила репетицию школьного спектакля, где юные актеры старательно играли шекспировских злодеев.

— Лететь на «Зорком» обычным пассажиром? Ты хоть представляешь, каково мне быть пассажиром корабля, на котором я не так давно был капитаном?

— И что в этом особенного? — удивилась Ольга.

— Не прикидывайся дурочкой! — пробурчал Завадский. — Члены команды будут меня жалеть, а кое-кто даже злорадствовать.

Подумав, что жених немного склонен к паранойе, Ольга примирительно сказала:

— Извини, я сморозила глупость. Не обращай внимания. Лучше расскажи, как ты спасал от смерти своих питомцев.

После ее слов Иван как-то слишком быстро успокоился и охотно приступил к рассказу.

— Первым, кого я спас, был Кузя — детеныш ушастой лани. Ушастые лани живут небольшими стадами в лесостепях на Гратионе, питаются по большей части травкой. В тот день мы с Мишей за ними наблюдали...

— Разве это входило в программу экспедиции?

— Нет, конечно. Я этим занимался для души, а Миша — за компанию со мной. И тут вдруг возникла опасность для стада! Лани быстро образовали круг: детеныши внутри, взрослые животные по периметру. А потом из круга вытолкнули одного детеныша — откупались так от хищника! Хищника мы с Мишей устранили, но в стаде малыша назад не приняли. И мне вдруг стало его жалко. Подумал, что не пройдет и дня, как он станет добычей хищников!

Глаза у Пенкиной влажно заблестели. Бедный Кузя! За что с ним так жестоко обошлись его сородичи? А Иван-то — молодец!

— В тот день еще один малыш остался сиротой, — продолжил свой рассказ Завадский. — Барсик. Он тогда был не больше котенка. Забрал я их обоих на корабль, сделал из подручных средств две клетки. С этих детенышей все и началось. Потом был хромоногий Ламбрикон — его я тоже подобрал на Гратионе. А позже, на Таоне, мой зоопарк пополнился Чернышом, Антеем, Канатом и Чухендрой. Последней была Розалия, подобранная на Миманте.

Внезапно синяя подстилка на одном из кресел оживила. Ольга опасливо уставилась на кресло. «Подстилка» плавно сползла на пол, приняла форму приплюснутой капли и изменила цвет на светло-бежевый. На полу она ускорила движение, явно стремясь заползти под диван. На пути к дивану ей попала шлепка Ольги. «Капля» на миг замерла, затем заколыхалась, словно студень, и внезапно приняла точно такую же форму и расцветку, как у шлепки. Через несколько секунд «шлепка» дрогнула, снова превратилась в каплю и быстро юркнула под диван.

— Ты это видел? — ахнула Ольга. — Видел, как Розалия в шлепку превратилась?

— Конечно! — улыбнулся Иван. — У Розалии, как и у всех мегапротеев, врожденные способности к мимикрии.

Ольга задумчиво нахмурилась, затем спросила:

— А почему ты назвал это чудо природы Розалией? Ты ведь даже не знаешь, какого оно пола!

— Почему же не знаю? Знаю! — спокойно парировал Иван. — Никакого. Нет у них полов в нашем понимании.

— Ты в этом уверен?

По худощавому лицу Ивана пробежала тень сомнения.

— Ну... почти. Процентом так на девяносто восемь... Просто для размножения нужны две особи. Они сливаются в большую каплю, что-то там происходит внутри, потом капля распадается, но особей уже не две, а три: две больших и одна маленькая. И так три-четыре раза за всю их жизнь. Но если численность популяции снижается, цикл размножения может ускоряться.

— А сколько лет они живут? — заинтересованно спросила Ольга.

— Точно не скажу, но, судя по всему, довольно долго. По крайней мере, никому из сборщиков лопатника не попадались мертвые «амебы» — так мы называем их между собой. Естественных врагов у этих тварей нет. Устроены они довольно примитивно. Отчего им умирать?! Ты, кстати, кофе нам не сварь?

— Конечно! — бодро ответила Ольга, схватила с журнального столика пульт и нажала на нем пару кнопок. Пульт подходил к любой кухонной технике, включая кофеварку. Вскоре с кухни донеслось шипение и бульканье воды. Упорхнув на кухню, девушка вернулась с двумя чашечками кофе на подносе.

Отхлебнув напиток, Иван лениво потянулся. Резко обозначилась рельефная мускулатура его рук и шеи. Он искоса взглянул на Ольгу. Так и есть, уставилась на его руки, глаз не сводит. И почему женщинам так нравятся накачанные бицепсы и трицепсы у мужчин? Это же глупо!

Он задумчиво вздохнул.

А может, и не глупо вовсе. Может, это природный инстинкт заставляет женщин выбирать сильного партнера, или хотя бы того, кто выглядит сильным. Ему недавно стукнуло сорок семь, а ей всего лишь двадцать шесть. Симпатичная, самостоятельная и довольно обеспеченная девушка. Почему она выбрала его? Потому, что сильный? Или потому, что он кого-то ей напоминает? Он раньше часто над этим размышлял, и ответ всегда был неутешительным. А теперь ответ уже неважен. Как и разница в возрасте. Захочет уйти, он не будет удерживать.

Ольга унесла на кухню пустые чашки, побросала их в посудомойку и запустила процесс мытья, в который раз уже подумав, что давно пора бы перейти на одноразовые чашки и тарелки. Новый аппарат для производства одноразовой посуды до сих пор пылится возле стенки, и все лишь потому, что ее жених — упертый ретроград. Ему, видите ли, нравится все натуральное:

чашки из ударопрочного стекла, мебель из дерева, одежда из хлопка и бамбука и, конечно, натуральная еда... Точнее, почти натуральная, поскольку то, что теперь называется мясом, отнюдь не является мясом убитых животных. Его замашки стоят немалых денег, но у Ивана они есть. Она и сама неплохо зарабатывает, но доходы астронавта, даже бывшего, на порядок выше.

Вернувшись в комнату, Ольга обнаружила, что Иван уже успел опять уткнуться в телик. Загородив собой экран, она произнесла с улыбкой:

— Ваня, ты этот фильм смотрел уже раз десять. Лучше расскажи мне что-нибудь еще!

Завадский с тихим сожалением вздохнул. Если невеста так настроена поговорить, то фильм досмотреть вряд ли удастся. Ну и бог с ним! Фильм, конечно, хороший, снят добротно, красиво, но прежнего удовольствия от фильма уже нет.

— Что именно тебя интересует?

— Ну, например, кто дал названия планетам из системы Пси Октанта? Гратион, Таон, Мимант...

— Естественно, тот, кто их открыл! Ренат Нигматуллин почти пятьдесят лет назад. Все три названия из греческой мифологии. Я бы просто дал планетам номера, но Ренат оказался парнем начитанным.

Сморщив свой курносый носик (в то время была мода на курносые носы, а Ольге повезло с таким родиться), девушка произнесла:

— Не приbedняйся, ты тоже начитанный. Только, к сожалению, не романтичный.

Ухмыльнувшись, Иван повернулся к невесте.

— Знаешь, Оля, в рейсах мне было не до романтики. План по лопатнику никто не отменял. Не доберешь хоть тонну — будут на Земле проблемы.

Ольга жалостливо посмотрела на Завадского.

— Так вот из-за чего тебя списали! Ты не выполнил план по лопатнику.

Он упрямо мотнул головой.

— Неправда, план я выполнил. Можно даже сказать перевыполнил. Меня списали из-за проблем со здоровьем.

— А Михаила почему списали? И у него были проблемы со здоровьем?

Он искоса глянул на невесту. До чего ж она дотошна! Недаром ее ценят на работе — для школьного учителя дотошность всегда являлась плюсом.

— Представь себе, и у него! Миша всего лишь на год младше меня. Пространственных скачков у нас с ним было одинаково, да и болезней он перенес не меньше. Впрочем, ты права, здоровье лишь предлог. Возможно, наши должности понадобились для чьих-нибудь сынков или племянников. Это по телику все честно и прозрачно, а реальная жизнь, знаешь ли, сложная штука.

Ольга вскочила с кресла и обняла Ивана.

— Ты прости меня, Вань. Я вечно что-нибудь болтаю, о чем потом жалею. Может, вместе фильм какой-нибудь посмотрим? Только не тот, что ты смотришь — его я знаю почти наизусть.

Завадский безмятежно улыбнулся, словно все, о чем он говорил до этого, было сущим пустяком.

— Фильм, говоришь? Можно! Ты уже видела «Хищные камни Бонира»? Или «Считаю до ста и стреляю»?

— Нет, не видела, а ты?

— Тоже нет. Так что мы выберем?

— Хищные камни Бони-и-ира... — протянула Ольга с придыханием. — Это о чем? Опять о дальнем космосе?

— Не только о нем. Еще и о любви.

— Между камнями, что ли?

— Пытаешься острить? — Завадский хохотнул. — Между людьми, конечно!

Ольга довольно хмыкнула — Иван нечасто замечал ее остроты.

— А ты точно его не видел?

— Зачем мне врать?

— Тогда откуда знаешь, что он про любовь?

— По телику была реклама.

— Ладно, включай свои «Хищные камни...».

Ольга пересела в кресло к жениху и уютно прижалась к нему. Он привычно обнял ее за плечи.

По трехмерному экрану поползли мерцающие титры, а в следующий миг темнокожая блондинка в золотистом шлеме и доспехах отразилась в зеркальной глади водоема, наполненного то ли ртутью, то ли расплавленным свинцом.

Глава четвертая

Это был самый обычный выходной.

Ольга с утра, как обычно, уехала в город. Чем она там занимается, Иван не знал и знать не стремился. В одном он был уверен — до измены Ольга не опустится. Возможно, она что-то примеряет в магазине, или сидит в салоне красоты, или встречается с подругой детства... Должны же у его невесты быть подруги! Вот только в дом она подруг не приглашает, хотя Завадский совсем не против. Вывод сам собой напрашивается — не желает знакомить подруг с женихом! Может, стесняется Ивана — старый, мол, уже. А может, опасается, что уведут... Что ж, пусть развлекается с ними в городе. У нее свои развлечения, у него — свои.

Часов в одиннадцать приехал Михаил. Он был весел и немного взбудоражен, оживленно размахивал руками и что-то напевал себе под нос. Какую-то знакомую мелодию, Иван ее определенно уже слышал...

Прислушавшись внимательней, Завадский вспомнил. Это же песня из «Рассвета на Сатурне»! Дэвид встречает Лайю и влюбляется в нее, еще не зная, кто она такая, а фоном к зарождающимся чувствам звучит за кадром эта песня. Уже почти в финале фильма Дэвид узнает, что Лайя — не сотрудница земных спецслужб, а ушлая шпионка из другой галактики. Он сам сдает ее космической полиции. Лайю, конечно, арестовывают и предают суду. Земляне, как обычно, побеждают, но любовь не признает жестокой правды. Она по-прежнему живет в душе у Дэвида и, кажется (по крайней мере, в фильме есть намек на это), в душе у Лайи.

Хороший фильм и песня хороша, но Михаил поет ее неправильно — слишком бодро, без малейшего намека на печаль. А нужно по-другому — душевно, с грустью, с сожалением. Видимо, душевно у Рыжкина теперь не получается. Да, после случившегося на Миманте приятель сильно изменился. Они оба изменились, но Рыжкин изменился по-другому — стал смелее и активнее, не боится перемен, а, скорее, жаждет их. Повезло приятелю! С такими изменениями жить, несомненно, проще и приятнее.

Проводив Рыжкина на кухню и вручив ему бутылку пива (крепкий алкоголь он оставил на потом), Иван пошел готовить баню. Первым делом заглянул на склад, примыкавший к бане. Склад почти что пуст, дров хватит только на растопку. Не беда, в бане есть специальный нагреватель, давно пылящийся без дела!

Собрав остатки дров, Завадский затопил каменную печь. Затем позвал из кухни Михаила.

Баня была их главным субботним ритуалом. Она располагалась метрах в ста от дома, в небольшом строении из экзодревесины, добываемой в специально созданных лесах на Марсе. Создавать леса на Марсе ученых побудил запрет на вырубку земных лесов. С помощью генной инженерии они вывели специальные древесные породы, устойчивые к резким колебаниям температуры и к разреженной атмосфере Марса. В местах лесных посадок с помощью особой технологии подогрели почву, что растопило лед, всегда имевшийся на Марсе, и решило проблему полива. Леса на Марсе благополучно разрослись. Теперь они использовались для строительства коттеджей, для производства мебели, а также для растопки каминов и печей.

Внешне баня выглядела как старинная изба с низким крыльцом и небольшим окном в предбаннике. Цвет избы был теплым, золотистым, «под сосну», для чего почти белые марсианские бревна обработали специальными красителями.

В просторном предбаннике пахло древесными смолами. Вдоль одной стены тянулась отшлифованная деревянная скамья, к ней был придвинут продолговатый стол. У стены напротив располагалась каменная печь, отапливаемая все той же марсианской древесиной. Дальше, за предбанником, была помывочная с тазиками, лавочками, двумя душевыми кабинами и купе-

лью с холодной водой, которой летом приятели не пользовались. За купелью была дверь в парную, полностью обшитую экзодревесиной, с тремя деревянными полками.

На всякий случай (например, усталость, или лень, или просто отсутствие дров), баня была оборудована суперсовременным нагревателем, работавшим на позитронной батарее. Дорогая техника в основном пылилась за ненадобностью, но сегодня ей придется поработать. Все дрова Завадский уже сжег, и скоро печка начнет остывать. Нагреватель с позитронной батареей легко решит эту проблему.

Песчаная дорожка вела от бани до реки. На реке была устроена купальня в виде деревянного настила с лесенкой, спускающейся в воду. Лесенкой обычно пользовалась Ольга. Мужчин больше нравилось нырять в воду с разбегу, оттолкнувшись ногой от настила.

Было около часу дня, когда из бани выбежал распаренный и потный Михаил и сразу же рванул к купальне. Погрузившись с разбегу в прохладную воду, он несколько раз проплыл до середины речки и обратно, затем, уже на берегу, попрыгал на одной, а после — на другой ноге, вытряхивая воду из ушей, и вернулся в баню.

Не успела дверь за ним закрыться, как из бани выбежал распаренный Иван Завадский и тоже рванул к реке. Он с разбегу прыгнул в воду, проплыл до середины и повернул назад...

И тут раздался взрыв.

Световая вспышка на несколько секунд затмила солнце, Иван едва успел зажмуриться. Но прежде чем зажмуриться, он успел увидеть, как деревянная изба внезапно дрогнула и распалась на зависшие в воздухе мелкие фрагменты. И сразу же последовал хлопок столь громкий, как будто что-то взорвалось внутри ушей. В тот же миг над речкой пронеслась ударная волна, высушив влажные волосы и опалив лицо Завадского.

Когда Иван рискнул открыть глаза, на месте бани был участок выжженной земли, покрытой темно-серым пеплом. Почти минуту он, не отрываясь, смотрел туда, где только что стояла баня. Затем, издав протяжный стон, он вылез из воды и заметался по берегу реки. Подбежав к месту страшного взрыва, он не обнаружил на месте взрыва ничего, кроме нескольких оплавленных кусков металла, раскаленных камней из парилки и покрывавшего все слоя пепла. Он наклонился, потрогал пепел, растер его в ладонях, затем провел обеими ладонями по голове и быстро направился к дому.

Он прошел в гостиную, схватил валявшийся в кресле пушет (современное устройство связи с множеством программ), установил его на специальную подставку и нажал на кнопку. Зависшая в воздухе голографическая девушка приятной азиатской внешности кокетливо и томно улыбнулась:

— Добрый день! Чем я могу вам помочь? — проворковала она нежным голосом.

— Срочно свяжи меня с полицией! — проигнорировав улыбку и приветствие, потребовал Иван.

— Одну минуту, — нисколько не обидевшись, ответила Ивану азиатка.

Девушка была компьютерной программой, не умевшей обижаться и сочувствовать. Неизменно вежливая и улыбчивая, она по прихоти владельца гаджета легко меняла голос, пол и внешность. Ее всегдашняя услужливость могла кого-то раздражать, но для особо взыскательной публики у оператора мобильной связи имелись специальные программы (они, понятно, стоили дороже), в которых девушки могли весьма правдиво изобразить обиду и даже вставить крепкое словцо.

Голограмма девушки исчезла, и на том же месте возникла голограмма полицейского — немолодого, грузного, усталого, с отеками под красноватыми глазами.

В двадцать третьем веке медицина, конечно, заметно шагнула вперед, но не так далеко, как надеялись предки Ивана два века назад. Болезни проявили удивительную стойкость и живучесть. Даже у генетически улучшенных особей болезни возникали с обидной частотой. Что уж говорить об остальных, чьи родители по денежным или иным соображениям отказались

от вмешательства в геном детей! Не успевала медицина искоренить одну опасную болезнь, к примеру, тот же рак, как сталкивалась с новой, ничуть не менее опасной.

У полицейского, судя по отекам, была запущенная болезнь почек. Вероятней всего, это был красный нефроз, случаи которого в последние годы заметно участились. Лечение нефроза состояло в замене пораженных почек на искусственную почку, которую предполагалось менять раз в десять лет, но многие больные боялись операции и тянули до последнего. Похоже, полицейский был из тех, кто не спешил под нож хирурга.

— Добрый день. С вами говорит старший лейтенант полиции Беркутов Борис. Что у вас случилось? — скороговоркой выдал полицейский.

Приглядевшись к голограмме собеседника, полицейский удивленно поднял бровь и спросил:

— А почему вы голый?

Иван стыдливо ойкнул, быстро вынул из шкафа зеленый спортивный костюм и натянул на себя.

— Извините, я только что из бани, не успел одеться, так сказать...

— Ясно. Представьтесь, пожалуйста.

— Меня зовут Иван. Иван Завадский.

— Что же такое случилось, Иван, что вы даже забыли одеться? — невозмутимым тоном продолжил Беркутов.

Несмотря на отечность лица, старший лейтенант производил приятное впечатление. Спокойная манера поведения, умный внимательный взгляд с едва заметной примесью цинизма... Сразу было видно, что этот полицейский — настоящий профессионал!

— У меня т-только что друг п-погиб, Рыжкин Михаил, — запинаясь, произнес Завадский. — Он... Он...

Полицейский терпеливо ждал. На его лице не дрогнул ни единый мускул.

Завадский перевел дыхание.

— Понимаете, там был взрыв, ужасный взрыв. Он никак не мог выжить.

— Друг, говорите, погиб? Взрыв, говорите, был? — все еще спокойным голосом переспросил Беркутов.

Внезапно лицо полицейского напряглось, а глаза пытливо уставились на Завадского. Человек погиб при взрыве, и с этим нужно как можно скорее разобраться. Дай бог, чтобы это был несчастный случай или самоубийство. Дай бог... А вдруг все-таки убийство? Убийство требует от полиции немедленных и решительных действий, от которых и Борис, и большинство его коллег по службе давно отвыкли.

Завадский выдержал взгляд полицейского, лишь его опаленные брови страдальческим домиком сошлись у переносицы.

— Да, случился взрыв, очень сильный взрыв. Выжить было просто невозможно. От бани почти ничего не осталось.

— Что, говорите, у вас взорвалось? — озадаченно спросил Борис.

Завадский выглядел растерянным. Переминаясь с ноги на ногу, он то беспомощно смотрел на полицейского, то, опустив глаза, разглядывал свои босые ноги. Его лицо с опаленными бровями было почти багрового оттенка.

— А разве я не сказал? — прохрипел он. — Баня взорвалась.

— Баня?! — в голосе Бориса прозвучало удивление. — Вы в ней что, взрывчатку хранили? А взрывчатку, позвольте узнать, купили или сами изготовили? В первом случае — статья пятьсот вторая, до десяти лет дальних колоний-поселений. Во втором — статья пятьсот третья, срок наказания по ней пятнадцать лет.

Завадский побледнел и приложил руку к груди. Пробормотав: «Извините, что-то мне нехорошо...», он рухнул в ближайшее кресло. Беркутов понимающе кивнул. Выражение его лица было участливым, но глаза продолжали изучающе сверлить Ивана.

Сделав несколько глубоких вдохов, Завадский поднял голову.

— Ничего такого не было. Не хранил я в бане взрывчатые вещества и уж тем более их не изготавливал.

Одутловатое лицо Бориса расплылось в скептической улыбке.

— Вы хотите сказать, что взрывчатку вам в баню подбросили? И кто же мог это сделать? Иван тихо застонал.

— Вы просто не понимаете. Это не была обычная взрывчатка. Поверьте, я, как бывший астронавт, не раз бывавший в разных передрягах, прекрасно в этом разбираюсь. То, что случилось с баней, не похоже на обычный взрыв.

— А на что это похоже?

Завадский покачал взлохмаченной, покрытой пеплом головой, затем застыл, о чем-то думая. Когда он вновь взглянул на полицейского, в его взгляде уже не было растерянности.

— Я вот что сейчас подумал... Это, конечно, всего лишь версия, но другого объяснения не нахожу. Взрыв был подозрительно похож на аннигиляцию, которая случается, когда вещество соприкасается с антивеществом. В бане у меня был нагреватель — не простой, а суперсовременный, на позитронной батарее. Позитрон — античастица электрона, и если эти две частицы сталкиваются, то они уничтожаются с огромным выбросом энергии. Если в батарее произошла утечка позитронов, то все дальнейшее становится понятным.

Борис Беркутов задумался. В физике он разбирался плохо, но версия Завадского ему сразу не понравилась. Как любой нормальный гражданин, он знал, что «позитронки» обладают высшей степенью защиты и вызвать взрыв никак не могут. В последние годы они стремительно завоевывали рынок. Их долговечность и надежность поражали. Они были последним, что могло выйти из строя в снабженной ими технике.

У «позитронок» было только два весомых недостатка — довольно крупные размеры, не позволявшие использовать их для мелкой техники, и почти фантастическая стоимость. Их называли «батарейки для богатых», но компании-производители божились, что очень скоро техника на позитронных батареях станет доступной всем и каждому.

Борис Беркутов пока что не был обладателем ни одного устройства на позитронной батарее. Наличие подобного прибора у Завадского его слегка расстроило. Не сказать, чтобы он завидовал... Впрочем, что себя обманывать? Зависть, к сожалению, была, и это стоило признать. Как говорил когда-то его отец, в признании проблемы — сила мужчины, а не слабость.

Полицейский, живший от зарплаты до зарплаты в небольшой квартире, имевший безработную жену и дочь-студентку с запросами, как у принцессы, искренне завидовал подозреваемому, который мог себе позволить дорогий нагреватель для обычной бани. Но зависть не мешала Беркутову быть хорошим полицейским. Пару минут он обдумывал версию Завадского, почесывая пордевшую макушку, затем строго произнес:

— Оставайтесь в доме и ничего нигде не трогайте. Мы с напарницей прямо сейчас выезжаем к вам.

Голограмма полицейского исчезла.

Завадский остался сидеть в просторной гостиной. Закрыв лицо руками, он сжался в кресле и постарался ни о чем не думать. И даже не заметил, как стал насвистывать знакомую печальную мелодию — ту самую из «Рассвета на Сатурне», которую с утра напевал Михаил.

Глава пятая

За год до случившегося.

— Ну что, Вань, еще по одной?

Захмелевший Рыжкин постучал граненой стопкой по столу. Стол был из натуральной марсианской древесины, с закругленными углами и стальными ножками. Возле стола стояли четыре кресла на колесиках, два из которых были заняты приятелями.

Кухня была в серо-бежевых тонах. Вдоль стены в два яруса тянулись деревянные панели с выдвижными ящичками разного размера и встроенной техникой. Из техники лично Завадским был куплен только холодильник. С приходом Ольги к холодильнику добавились: универсальная духовка, аппарат для производства одноразовой посуды, посудомойка, комбайн для утилизации отходов, тостер, кофеварка и еще несколько приборов, о назначении которых Иван не знал.

Под верхним ярусом была столешница для приготовления еды. Ею пользовались в тот период совместной жизни Ольги и Ивана, когда невеста пыталась готовить. Запала ей хватило ненадолго. Через полгода она забросила готовку и начала, как все в округе, заказывать готовую еду с фабрики-кухни. Дополнением к готовым блюдам служили разные деликатесы, купленные Ольгой в магазинах.

Хозяин дома был в темно-сером спортивном костюме и полосатых носках. Тапки, как всегда, где-то валялись. На госте были свободные брюки молочного цвета, черная футболка и бежевые мокасины.

Иван с сомнением глянул на приятеля.

— А может, нам уже хватит?

Взъерошив каштановую шевелюру с глубокими залысинами спереди, Рыжкин басовито произнес:

— Да ладно тебе, Вань! Почему бы нам еще не выпить? Мужчины мы свободные, брачными узами не связанные...

Сидевший напротив Завадский заметно смутился.

— Ну, знаешь, Миш... Я бы не назвал себя свободным. Ольга мне почти жена, и ей не нравится, когда я выпиваю.

Михаил отреагировал презрительной усмешкой.

— Слава богу, что «почти». Надеюсь, дальше этого дело не пойдет. Или ты намерен вступить в законный брак?

Иван недоуменно приподнял брови.

— Тебе-то какая разница, намерен я или нет? Что ты вообще имеешь против Ольги?

Рыжкин снова постучал стопкой по столу, а после произнес с видом знатока:

— Конкретно против Ольги — ничего. Девушка она хорошая, я знал особ намного более стервозных. Просто я — принципиальный противник брачных уз. Вот скажи мне, зачем в наше время мужчине жениться? Что ему дает официальный брак? Ничего он ему не дает, кроме лишних сложностей при разводе. Во времена, когда вся работа по хозяйству делалась вручную, брак был оправдан — жена готовила, стирала, гладила, короче, облегчала мужу жизнь, он же зарабатывал себе и ей на эту жизнь. Сейчас мужчина с женщиной работают на равных, дома напичканы всякой электроникой, услуги по уборке дома стоят сущие копейки, а вкусная готовая еда доступна даже безработным. Тебе не кажется, что брак в таких условиях — некий атавизм? Он не оправдан ни логически, ни экономически.

— А как же дети? — прищурившись, спросил Иван.

— А что — дети? — мгновенно откликнулся Рыжкин. — Сейчас детей воспитывают няни, маму с папой дети видят редко. Вот недавно проводился мониторинг рынка, мол, какая из профессий самая востребованная. И как ты думаешь, какая победила? Голову-то сильно не ломай! Победительницей оказалась няня с педагогической и медицинской подготовкой.

— Что, спрос на нянь действительно высок? — удивился пока что бездетный Завадский.

— Ты даже не представляешь насколько! — усмехнулся Рыжкин.

— Вряд ли эта няня многим по карману, — засомневался хозяин.

Михаил насмешливо взглянул на друга.

— Ты, Ваня, какой-то дикий. Про дальний космос знаешь все, а о том, что происходит на Земле... Так и быть, просвещу тебя немного. Няня, конечно, стоит дорого, если нанять ее для одного ребенка. Но так почти никто не поступает. Несколько родителей объединяются и нанимают групповую няню. Это намного дешевле. Детей привозят к няне и оставляют у нее до вечера. И так каждый день. В итоге дети больше привыкают к няне, чем к собственным родителям. И какая этим детям разница, в браке мама с папой или нет?! Но бабы все равно мечтают о замужестве! Они же глупые, как твой Канат...

Тут он бросил опасливый взгляд на разлегшееся на полу животное.

— Жуткая гадость, зря ты притащил его на Землю! — пробормотал он и вновь вернулся к теме брака.

— Так вот, бабы! Быть замужем — это у них идея фикс. Им мало просто быть с мужчиной — мужчину нужно заклеить печатью в паспорте! Как будто это им дает какие-то гарантии. Не понимают, дуры, что ничегошеньки им этот штамп не гарантирует.

Рыжкин замолчал, уставившись в огромное окно. За окном был сад. Помимо яблок, груш и слив в саду росло немного манговых деревьев и финиковых пальм, специально выведенных для умеренных широт. Насмотревшись на деревья, Рыжкин перевел свой взгляд на одно из кресел. Кресло казалось свободным, но опытный взгляд Михаила все же различил едва заметную границу между живым и неживым. Живое являлось Розалией, распластавшейся по мягкому сиденью и принявшей цвет обивки кресла.

Проследив за взглядом Михаила, Завадский громко хлопнул в ладоши. Розалия испуганно свернулась в каплю и застыла.

— Ольга вовсе не дура! — упрямо возразил Иван. — И на браке она не настаивает. Просто мы с ней идеально подходим друг другу. Мы даем друг другу свободу — в рамках разумного, конечно — и ничего друг от друга не требуем. Вот ты, Миша, закоренелый холостяк. Женщин у тебя было много, а ни с кем так и не сблизился. И как тебе это? Неужели тоска не гложет?

Михаил прищурил один глаз и с превосходством глянул на приятеля.

— Тоска? С какой это стати? Нет у меня никакой тоски! Я даже ирастан не принимаю — мне и так нормально. Хороший старый фильм вроде «Рассвета на Сатурне» или трехмерная игра-стрелялка под бутылочку турассы — что еще нужно мужчине?! Впрочем, для полного счастья этого мало. Мужчине нужна цель, к которой он стремится. Цель обязательно нужна — для выхода энергии, для воплощения амбиций, для поддержания интереса к жизни. И с недавних пор у меня она есть.

Он протянул руку к бутылке с рельефной надписью на этикетке и наполнил стопки. Одну пододвинул к себе, другую к Ивану.

Два бывших астронавта, они и внешне были похожи, словно братья. Оба крепкие, плечистые, темноволосые, с рельефными худощавыми лицами. Но когда-то пышная шевелюра Рыжкина заметно поредела, а все еще густые волосы Завадского покрылись серебристой паутиной седины. И глаза у них были разного цвета: у Михаила — серые, у Ивана — светло-карие.

«За цель!» — произнес Михаил, и приятели выпили. Рыжкин довольно крикнул, а потом вдруг резко взвыл.

— Черт! Меня только что укусили.

Завадский выскочил из-за стола и со свирепым видом подошел к Канату, разлегшемуся в центре просторной кухни. Впрочем, лежали только средняя и задняя части животного — передняя часть с четырьмя тонкими конечностями стояла вертикально. Тварь отдаленно напоминала кобру, готовую к броску.

— Ты что себе позволяешь?! — прорычал Иван, грозя змеехвосту пальцем. Канат сверкнул неопределенного цвета глазками и, извиваясь, пополз к выходу из кухни.

Михаил болезненно поморщился.

— Слушай, Вань, по-моему, это был не он. Канат лежал на месте и не двигался. Я бы заметил, если бы он сделал выпад. Что-то куснуло мою ногу под столом и умчалось прочь.

— Дай-ка я осматрю твою рану!

Рыжкин приподнял штанину. На его лодыжке оказалось восемь круглых ранок, расположенных двумя параллельными рядами. Кожа вокруг ранок быстро становилась багровой и отеочной.

— Это Чухендра тебя укусила! — подвел итог хозяин. — Узнаю ее редкие острые зубки.

— Вот уж не думал, что шарик из меха может кусаться, — побледнев от острой боли, прохрипел укушенный.

Иван обвел глазами комнату и нашел Чухендру возле двери. Она и впрямь была похожа на пушистый шарик размером с футбольный мяч. Ее шерсть была настолько длинной и густой, что обычно полностью скрывала мордочку и лапки. Но если существо было напугано, его шерсть вставала дыбом и твердела, открывая взору смешную глазастую мордочку с широкой зубастой пастью и восемь маленьких гибких конечностей. В данный момент шерсть существа стояла дыбом.

— Чухендра может укусить, только если чувствует угрозу, — задумчиво произнес Иван.

В страдающих глазах его приятеля отразилось возмущение.

— И чем же я, скажи на милость, ей угрожал? Я просто закинул ногу на ногу!

Иван пожал плечами.

— Возможно, твоя приподнятая вверх нога напомнила Чухендре ее природного врага с Таона. Впрочем, не знаю... Инопланетная фауна не всегда предсказуема.

Достав из шкафчика спрей в яркой упаковке, он обрызгал им ногу приятеля. Отек и краснота на коже прямо на глазах стали уменьшаться.

Нагнувшись, Михаил подул на рану и скептически глянул на Ивана.

— Послушай, Ваня! Тебе не кажется, что, привезя на Землю всех этих тварей, ты совершил ошибку? Ты же не знаешь, чего от них ожидать! Сегодня меня укусили, а завтра, возможно, попробуют съесть. Ты и сам ни от чего не застрахован.

— Да ладно тебе нагнетать! — укоризненно сказал Завадский. — Подумаешь, слегка куснули. Собаки тоже иногда кусаются, никто, однако, не оспаривает их право жить с людьми. Все живущие в доме и на участке животные либо стопроцентные вегетарианцы, либо питаются мелкой живностью вроде наших мышей. Кроме Барсика, но он, во-первых, сыт, а во-вторых — надежно заперт. Так что съесть тебя они точно не смогут. Спи спокойно, Миша!

Боль в ноге почти исчезла, и Михаил улыбнулся расслабленно.

— Этот, что ли, мелкой живностью питается?

Рыжкин смотрел на крылатую тварь ярко-синего цвета, сидевшую на шкафчике. Тварь была похожа на зубастую сову, но вместо перьев была покрыта шерстью и имела крылья, как у летучей мыши. Конечностей у твари было восемь — две крайние пары служили растяжкой для крыльев, две средние пары располагались ближе к центру туловища и заканчивались пальчиками с коготками.

Завадский кивнул.

— Ты прав насчет Антея. На Таоне он был мелким хищником, вроде наших сов, а на Земле я перевел его на собачий корм. Он так охотно его уплетает, что не успеваем подсыпать. Но имеет свои предпочтения! Очень любит со вкусом свинины, а со вкусом говядины ест неохотно.

Рыжкин опустил штанину. Боль в ранках полностью утихла, а к вечеру и ранок не останется.

— Какой, однако, привередливый! — усмехнулся он. — Кстати, как называется эта синяя «птичка»?

— «Птичка» называется зубокрыл. Интересный вид, и далеко не полностью изученный. Видимо, таким он и останется. Цель полетов к Пси Октанта изменилась, и местной фауной уже почти никто не интересуется.

Рыжкин снова усмехнулся.

— А ты чего хотел? Люди деньги делают, а деньги в нашем мире — это все! Идеалистов больше нет, а если где-то и остались, то скоро вымрут. И мы с тобой не за спасибо через «котовые норы» летали, не за спасибо здоровье гробили. Зато теперь не бедствуем, на турассу и лекарства заработали. Впрочем, даже на лекарствах долгожителями нам не стать. Ну, восемьдесят лет, ну, девяносто проживем, но не сто двадцать, как положено. Частые полеты в дальний космос нам еще аукнутся.

Внезапно возле двери раздался шум. Уползший из кухни Канат пытался вернуться, но вход ему преграждала Чухендра. Канат отчаянно бил хвостом, но приблизиться к Чухендре не решался — ее дыбом стоящая шерсть могла легко проткнуть его кожу. Переливчатым глазом он косил на Ивана, явно ожидая от хозяина защиты.

Длинной палкой с метелкой на конце Иван отодвинул в сторону Чухендру и впустил Каната. Довольный змеехвост вновь разлегся посреди просторной кухни.

— Говоришь, недолго проживем? — повернулся он к приятелю. — Я бы не был столь категоричен. Медицина идет вперед семимильными шагами. Быть может, и мы дотянем до ста двадцати...

Вынув из кармана одноразовую электронную сигарету, Михаил блаженно затянулся. На сигарете был изображен цветок — версаянский व्यюн с планеты Малая Версая, известный своим тонизирующим эффектом.

— Рекомендую! Ни капли никотина, только травы! — произнес он бодрым голосом и насмешливо спросил: — А для чего тебе прожить сто двадцать лет? Дальний космос тебе уже не светит, а твоя работа... Вряд ли ты всю жизнь мечтал читать студентам лекции.

Угрюмо хмыкнув, Иван достал из кармана сигареты, содержащие, в отличие от электронных сигарет приятеля, вредный для здоровья никотин. Достав одну, Завадский щелкнул зажигалкой.

— Не скажу, что всю жизнь мечтал, но мне это интересно.

Рыжкин недовольно отодвинулся от курящего Ивана и вдохнул фильтрованный дымок версаянского व्यюна.

— Остается только позавидовать! Вот я — инструктор в школе астронавигации, и признаюсь тебе, Ваня, моя работа мне совсем не интересна. Не мой масштаб.

— Вот как?! — удивленно произнес Завадский. — А чем бы ты хотел заняться, Миша?

— Чем-то более значительным, возможно, даже запредельным! Я сейчас как раз над этим думаю.

Завадский сделал быструю затяжку и, отвернувшись от Михаила, выдохнул. Струйка дыма белесыми разводами потянулась вверх. Антей сердито кашлянул и вылетел из комнаты.

— Похоже, твоей синей «птичке» совсем не нравится табак, — заметил гость.

— И не только ей. Ольга тоже очень недовольна.

— Так ты переходи на электронные на травах. Сейчас такой широкий выбор — и тонизирующие, и успокаивающие, и от давления, и от мигрени, и даже сахароснижающие. Одна сплошная польза!

— Забава для женщин и юнцов, — презрительно изрек Иван. — Уж лучше я просто брошу.

— Молодец! — неожиданно одобрил Рыжкин. — Не стоит быть как все. У нас с тобой особый путь. Мы с тобой еще такое замутим!

— Миша, ты часом не бредишь? Что такое мы можем замутить? — озадаченно спросил Иван.

Улыбка Рыжкина приобрела какую-то особую загадочность, обычно ей несвойственную.

— Ты обо всем узнаешь в свое время. Потерпи, теперь уже недолго. И давай-ка еще выпьем!

Глава шестая

Сегодня в нашем доме все изменилось. А началось с того, что за окном внезапно что-то полыхнуло и очень сильно загремело. Затем в дом ворвался совершенно голый папа с опаленными бровями и сразу же схватился за пушет.

Если кто еще не в курсе, то пушет — это такая штука для разговоров с разными людьми, которых нет поблизости. С помощью пушета эти люди перед вами появляются — иногда по пояс, а иногда и в полный рост, — произносят разные слова, жестикулируют, но дотронуться до них никак нельзя. Я как-то попытался дотронуться до папиного собеседника и потрогал... пустоту. Долго после этого был в шоке — разве так бывает? Теперь-то, конечно, привык...

Папа что-то тронул на пушете, и в комнате возникла девушка. То, что девушка на самом деле пустота, я уже знал, но и пустота, поверьте, бывает разная. В людях, что приходят в дом через пушет, я всегда улавливаю чувства — они тревожатся, радуются, злятся, грустят и негодуют. У девушки, возникшей в нашей комнате, никаких чувств не было. Только красота и мелодичный голос. Я мысленно назвал ее «пустышкой». С нею папа говорил резко и недолго. И правильно, о чем с пустышкой разговаривать?!

После девушки возник несимпатичный дядька — грузный, с помятым отечным лицом. Тот дядька вовсе не был пустышкой, он излучал недовольство и напряженность. И ему как-то сразу не понравился папа. Я не стал бы дядьке ничего рассказывать, но разве ж папа меня услышит?! Он сразу дядьке все и выложил. «У меня только что друг погиб, Рыжкин Михаил», — вот что он сказал.

И я подумал, что дядя Миша в нашем доме больше не появится. Ведь «погиб» почти то же самое, что «умер», только умирают от болезней и от старости, а погибают от различных внешних обстоятельств. Откуда я все это знаю? Конечно же, из телика!

Что я почувствовал? Не буду притворяться, что мне стало грустно. Не стало. Дядя Миша мне никогда особенно не нравился. И это даже хорошо, что он не будет больше заявляться к нам, как к себе домой, не будет с папой «уговаривать бутылочку», не будет трогать тетю Олю. Да-да, я лично это видел! Когда папы рядом не было, дядя Миша озорно похлопывал ее по задней части, а тетя Оля злилась и грозилась рассказать все папе (грозиться-то грозилась, но так ни разу и не рассказала!). И он не будет больше на меня смотреть с брезгливостью, словно я недостойн находиться в этом доме! Короче, жизнь без дяди Миши станет проще и приятнее. Вот только папа почему-то очень уж расстроен... И напрасно. Чего горевать-то?!

Поговорил папа с дядькой и затих, и думы у него были самыми мрачными. Я попытался мысленно его подбодрить, но у меня не получилось. Оставалось только ждать, когда папа успокоится.

Видимо, не только я почувствовал, что папе плохо. В комнату пожаловали дармоеды — прошу прощения, питомцы! — и давай крутиться возле папы. Ему, понятное дело, не до них. Он шуганул их крепким словом, чтоб отстали. Они отхлынули от папы и затаились — кто за диваном, кто за шторой.

Питомцы! Само это слово нагоняет на меня депрессию. Возможно, мне не стоило взрослеть... Взрослея, узнаешь такое, о чем порой предпочел бы не знать. Именно это со мной и случилось. Я узнал, что я не папин сын, а всего лишь один из питомцев, привезенных папой из каких-то заоблачных далей. Вот почему я не такой, как он. Но что это меняет? Я по-прежнему его люблю, даже больше, чем его любит тетя Оля. Я верю, что когда-нибудь он это осознает и сблизится со мной. Вот увидите, мой час придет! А пока я просто продолжу рассказ.

Не прошло и часа после взрыва, как в доме появились гости: пожилой мужчина (тот самый грузный, некрасивый дядька) и молодая дамочка — вполне себе зачетная! Оба в серо-голубой форме с погонами, у обоих на спине написано «Полиция». Мужчина седоват и коротко

острижен, гладкие темные волосы дамочки собраны в короткий хвост. Мужчине никак не меньше пятидесяти, дамочке, думаю, лет тридцать.

Поздоровались они с папой, представились: мужчину звали Борис Беркутов, а дамочку — Регина Светина. Дамочка мило улыбалась, дядька выглядел чем-то недовольным. Он прошелся по комнате с камерой, выбирая место для съемки, прислонил камеру к дверце шкафа, и она там словно примагнитилась. Затем он повернулся к папе.

— Что ж, пожалуй, начнем... Назовите ваше имя.

— Меня зовут Иван Завадский, — бесцветным голосом ответил папа.

— Как звали погибшего?

— Михаил Рыжкин.

— Кем вам приходился погибший?

— Михаил — мой бывший коллега и друг.

— Как именно он погиб?

— Он погиб при взрыве бани.

— Мы должны осмотреть его останки.

Тут папа беспомощно развел руками.

— Боюсь, что это совершенно невозможно. Взрыв был такой мощный, что там вообще ничего не осталось. Все буквально испарилось, даже бревна, из которых баня сложена. Остались только камни и несколько бесформенных металлических слитков.

Дядька задумчиво покривил рот и многозначительно глянул на дамочку. Ее ответная улыбка была еще более многозначительной. Похоже, эти двое понимали друг друга без слов.

— И какова ваша версия случившегося? — задал вопрос полицейский.

Бросив взгляд на диван, папа предложил гостям присесть. Дядька охотно воспользовался приглашением, а дамочка осталась стоять.

Я легко прочел ее мысли. Она считала, что у нее красивая фигура, и очень хотела, чтобы папа это заметил. Я в душе посмеялся над ней. Если бы она только знала, насколько папе сейчас не до ее фигуры! Он даже на лицо дамочки толком не взглянул, а лицо у нее красивое.

— Мою версию вы уже знаете, — сказал папа. — Взрыв был необычным — очень мощным, но при этом очень локальным. Для обычной взрывчатки это нехарактерно. Я думаю, причина взрыва — батарея в банном нагревателе. Утечка позитронов в батарее привела к аннигиляции.

Тут и дамочка вмешалась в разговор. Она с уверенностью заявила, что «позитронка» вызвать взрыв никак не может, поскольку это утверждают все производители новейшей техники. К тому же ранее подобных взрывов нигде не зафиксировано.

Папа возразил, что батарея могла быть с браком. Пусть брак на производстве — большая редкость, но ведь в принципе это возможно! Или кто-то мог ее специально повредить. Вот при нагреве и случился взрыв.

Грузный дядька незаметно подмигнул своей напарнице и обратился к папе:

— Все это как-то сложно и весьма сомнительно. Лично я предложил бы версию попроще. Вы сами заманили друга в баню, убили его там, а затем, чтобы скрыть следы убийства, взорвали баню какой-то особой взрывчаткой. Когда вы были капитаном космического лайнера, у вас был доступ к любой взрывчатке. Кое-что могли там и занывать...

Папа бешено уставился на дядьку, затем внезапно заорал:

— Да вы с ума сошли! Вы в чем, вообще, меня подозреваете? В убийстве друга и в краже взрывчатых веществ с космического корабля? Меня?! Да как у вас язык на это повернулся! Я с корабля за все время не вынес ни винтика, не говоря уж о взрывчатке. А с Мишей мы были как братья, прошли с ним огни и воды, не раз спасали друг друга от смерти. Зачем мне убивать своего лучшего друга?

Дядька (сразу видно, человек бывалый и с железной выдержкой) лишь досадливо поморщился и произнес спокойным, но твердым голосом:

— Только не надо на меня кричать. Я просто делаю свою работу. Вот вы спросили — зачем вам его убивать? А мотив, знаете ли, не всегда очевиден. Вы назвали погибшего другом, и что? Это ж только с ваших слов вы дружили, а на деле — неизвестно... Мало ли какие между вами были счеты! Бывает, что люди дружат двадцать лет, а потом вдруг кошка между ними пробежала — и стали злейшими врагами. Хорошо еще, если в открытую враждуют, а то иной раз улыбаются друг другу, а за улыбкой прячут ненависть.

Внимательно слушая дядьку, я добавил в свою копилку выражение «кошка между ними пробежала». Вот уж не думал, что кошки такие зловредные! Кошка пробежала, и люди стали злейшими врагами. А ведь некоторые держат их в домах, позволяют им лежать у себя на диванах... Ужас! Хорошо, что в нашем доме нет ни кошек, ни котов!

А тем временем дядька продолжал:

— Так что, господин Завадский, пока убийство не раскрыто, снять с вас подозрение никак нельзя. Но вы можете нам помочь. Расскажите-ка все по порядку, не выдвигая собственных версий. Начните с приезда к вам Михаила. Итак, мы вас слушаем.

— Да-да, мы вас очень внимательно слушаем, — ввернула дамочка, спустив пониже замочек молнии на форменной рубашке. Между полусферами ее груди показалась неглубокая ложбинка.

Папа не обратил на это внимания, зато напарник дамочки удивленно поднял бровь.

— Так жарко же! — бросила она и, оставив молнию в покое, изобразила крайнюю степень внимания.

Папа старательно прокашлялся.

— Значит, с приезда Миши... Он приехал ко мне примерно в одиннадцать. Может, чуть раньше — я не смотрел на часы. Я оставил его на кухне, а сам баню затопил. Дров на складе было мало, и я еще подумал, что когда дрова закончатся, мы включим нагреватель. Потом мы с Мишей сидели в предбаннике, болтали и пили турассу. Где-то в половине первого мы отправились в парилку. Дрова уже догорали, и я включил нагреватель. Потом мы парились — он на верхней полке, я — на средней. Потом Миша решил искупаться. Было около часа, может, чуть больше. Он отсутствовал минут семь-десять — время я, естественно, не засекал. Как только он вернулся, я побежал купаться.

Дядька недоверчиво хмыкнул.

— А вы всегда купаетесь по очереди?

— Нет, конечно, — вымученно улыбнулся папа. — Так получилось. Мише не терпелось окунуться, он и рванул к реке один. Меня же жажда мучила, и я решил хлебнуть в предбаннике турассы.

Дядька насмешливо уставился на папу.

— И часто вы жажду утоляете крепкими напитками?

Папа смущенно пожал плечами.

— Бывает. А что?

— Да так, ничего.

— Ну так вот... Бутылка на столе была почти пустой. Я вынул из коробки новую, открыл, выпил стопочку, потом еще одну. Хотел бежать на речку к Мише, а он уже вернулся. «Почему, — говорит, — пьешь в одиночку?» А я ему ответил: «Сейчас окунусь, и вместе продолжим». Он еще и дверь за мной закрыл.

Полицейский скептически прищурил левый глаз.

— Дверь за вами закрыл? Что вы этим хотите сказать?

— А то, что когда я выбегал из бани, Михаил был жив и здоров, — с горячностью промолвил папа.

Дядька кивнул.

— Хорошо. Продолжайте.

— Я с разбегу в речку нырнул и поплыл. Вода была прохладная, бодрящая такая. Доплыл до середины и повернул назад. Думал раз десять туда-сюда сплавать — уж больно вода хороша. И вдруг все летит к чертям. Этот взрыв мне чуть глаза не выжег. Вовремя зажмурился.

Папа вдруг замолк, но через мгновение продолжил.

— И все же я успел заметить, что взрыв какой-то необычный. Не было летящих во все стороны обломков. Мощная вспышка света, и баня словно испарилась.

Тут папа поднял голову и с надеждой посмотрел на полицейского.

— Вы ведь можете проверить мои слова. Запросите видео со спутника! Вы там сами все увидите: и как мы по очереди бегали купаться, и как Миша дверь за мной закрыл, и как баня взорвалась... Пожалуйста, запросите видео со спутника! Это же несложно, правда?

Дядька задумчиво кивнул.

— Запросим, если понадобится. К сожалению, видео со спутника, как правило, нечеткие. А сейчас ответьте на вопрос — кто еще имел доступ в баню?

— Кто еще?..

Несколько секунд папа озадаченно смотрел на полицейского, затем смущенно произнес:

— Только Ольга, моя невеста. Но она здесь точно ни при чем.

Дамочке, видимо, надоело вертеться перед папой, тем более, что он на нее почти и не смотрел, и она плюхнулась на диван рядом с напарником.

— Позвольте нам самим делать выводы! — жестко произнесла она. — На несчастный случай все это мало похоже. Это — убийство, и на данный момент у нас лишь двое подозреваемых — вы и ваша невеста. Кстати, где она сейчас?

— Ольга? — растерянно переспросил папа. — С утра в город уехала.

— И зачем же она туда уехала? — язвительно поинтересовалась дамочка. — Алиби себе обеспечивает?

Голос у нее был резким и не очень сочетался с ее красивой внешностью.

— Какое еще алиби! — искренне возмутился папа. — Она каждую субботу в городе проводит. Магазины, подружки, салон красоты...

Дамочка лучезарно улыбнулась.

— О, понимаю.

Я снова прочел ее мысли. Отсутствующая в доме тетя Оля вызывала у дамочки неприязнь, зато папа был ей явно симпатичен. А я, в свою очередь, проникся симпатией к дамочке — ведь она, как и я, сочувствовала папе и не слишком жаловала тетю Олю.

— Вы с невестой вместе проживаете? — вновь спросила дамочка.

— Ну да, — отозвался папа. — Это ведь не запрещено, правда?

— Нет, конечно, — подал голос дядька, а его спутница заметно помрачнела.

— И в котором часу Ольга уехала в город? — вновь задала она вопрос.

— Точно не скажу, — задумчиво отозвался папа. — Я же говорю, что не следил за временем. Может, в полдесятого, а может, в десять...

— Что ж, проверим, — пообещала дамочка и огляделась. — И тут она впервые заметила нас, папиных питомцев, опасливо выглядывающих из своих укрытий. Ойкнула и подняла руки повыше, чтобы за палец ее не тяпнули.

— А это что еще за монстрики? — испуганно воскликнула она. — Надеюсь, они не кусаются?

— Кусаются? Нет, что вы! — поспешно заверил ее папа. — Это мои питомцы. Я всех их подобрал на планетах звезды Пси Октанта. Если бы я этого не сделал, они бы там погибли. И они совершенно безобидны.

Но полицейская уже справилась с испугом — похоже, она была не робкого десятка. К тому же, ее интересовали не питомцы, ее интересовал папа.

— А у вас есть на них разрешение? — строгим голосом спросила дамочка, при этом взгляд ее вовсе не был строгим.

— Конечно, есть! — ответил папа и достал из шкафчика какие-то бумаги.

Она наспех их просмотрела и передала напарнику, который изучал их долго и тщательно. Наконец, он закончил изучать документы и обвел нас всех сверлящим взглядом.

— Надо же, зверушки из дальнего космоса! — произнес он почти мечтательно. — Впервые вижу их так, практически рядом. В космосе я отродясь не бывал, ни в ближнем, ни в дальнем. А в зоопарках такие всегда за толстым стеклом — ни покормить их, ни погладить. Я с племянником как-то был в зоопарке, всяких там зверушек рассмотрел, но таких, как ваши, не видел. Интересные экземпляры! Кстати, а как у них с интеллектом?

— С интеллектом? — удивленно переспросил его папа.

— Ну, насколько они умны? — пояснил дотошный дядька.

Папа на минуточку задумался, затем пожал плечами.

— Сложный вопрос. С нашими животными их сравнивать нельзя — у них и анатомия, и физиология совсем другие. У некоторых из моих питомцев и мозга-то, по сути, нет... Непонятно, чем они думают. Их еще изучать да изучать, вот только средств на это почти не выделяется. Сейчас на всех планетах Пси Октанта правит бал лопатник. От себя скажу одно — ни один из моих питомцев не умнее собаки!

После папиных слов я очень сильно расстроился. Я даже перестал следить за тем, что происходит в доме. Смутно помню, как гости ходили по нашему дому — что-то долго выискивали, но, кажется, так ничего и не нашли... Мне было уже не до них.

Все оказалось напрасным! Напрасно я учил слова чужого мне языка, надеясь, что однажды на нем заговорю. Напрасно я, тайком от папы, читал его умные книги. Напрасно разобрал и вновь собрал его электробритву, да так, что папа ничего и не заметил. Я, конечно, знал, что папа не считает меня умным. Я всегда это знал. И все же во мне теплилась надежда, что среди прочих питомцев он как-то меня выделяет, что он видит мой потенциал и просто ждет, когда тот полностью раскроется. А оказалось, что ничего такого он от меня не ждет. Для него мы все «не умнее собаки»!

Глава седьмая

Автотакси мягко притормозило напротив дома Завадского.

Ольга сладко потянулась в откинутом кресле (она почти всю дорогу проспала), привела кресло в нормальное положение и приложила «умный» браслет на запястье к сенсорному кругу на панели. Зажегся зеленый индикатор (подтверждение успешной оплаты), и правая дверь машины плавно отъехала назад.

Девушка вышла из машины и подошла к багажнику. Крышка багажника самостоятельно сдвинулась вверх, и специальный механизм аккуратно выгрузил из ниши тележку для продуктов на колесиках. Дверца такси плавно закрылась. Через прозрачное стекло было видно, как бортовой компьютер включил навигацию. Подчиняясь сигналам компьютера, машина развернулась и поехала в сторону города. Если на компьютер не поступят новые заказы, такси вернется на базу.

Подчиняясь заложенной в нее программе, тележка сама покатила по центральной дорожке к крыльцу, въехала по пандусу на крыльцо и остановилась перед дверью.

Ольга снова потянулась и неспешно пошла по центральной дорожке.

Впереди был виден двухэтажный дом Завадского. Дом смотрелся очень стильно. Он был сложен из кирпича серебристого оттенка, имел большие окна из голубоватого стекла и солнечную батарею на длинной стороне асимметричной двускатной крыши. На короткой стороне виднелась аккуратная каминная труба.

С трех сторон дом обрамляли пышные садовые растения, высаженные лично Ольгой. Старалась она не зря — отдельные деревья уже радовали глаз почти созревшими плодами.

Слева за деревьями, невидимое ни из окон дома, ни с шоссе, пряталось одноэтажное сооружение с вольерами. В них обитали крупные животные, которых Иван не рискнул поселить прямо в доме. К вольерам вела боковая дорожка, на которую Ольга и свернула. Остановившись возле первого вольера, она невольно улыбнулась — Барсик, лежа на спине, сыто потягивался всеми шестью лапами.

Наружные стены вольеров снаружи были прозрачными, что позволяло разглядывать животных, не заходя вовнутрь. Наблюдать за животными можно было и из дома по мониторам, но у камер, установленных в вольерах, имелись слепые зоны, и Ольга предпочитала лично убедиться, что в вольерах все в порядке. В каждом вольере был особый микроклимат, подходящий живущему в нем питомцу.

Ольга обошла сооружение вокруг.

Ламбрикон был, как всегда, в движении — наматывал круги по периметру вольера. Кузя что-то яростно вынюхивал возле почти пустой кормушки. Черныш, почувствовав снаружи человека, укрылся в маленькой пещерке, сооруженной для него Иваном.

Осмотрев вольеры, девушка вернулась на центральную дорожку и пошла к крыльцу. Коснувшись пальцем сенсорной панели на двери, она открыла входную дверь. Из окна второго этажа на нее смотрела лейтенант полиции Регина Светина.

Ольга была невысокой и складной, с тонкой талией, соблазнительными бедрами и довольно пышной грудью. На ней были легкие летние брючки и белая рубашка в полоску (хит летнего сезона). Лицо у Ольги, на взгляд Регины, было простоватым: округлый подбородок, легкий румянец на щеках, чуть вздернутый нос. Косметики совсем немного: небольшой акцент зеленой тушью на глаза, да прозрачная помада на губах. Светло-русые волосы до плеч явно природного оттенка. «Красивая! — подумала Светина. — Но неброская, такую в толпе не сразу заметишь».

Да, Ольга оказалась совершенно не такой, какой ее представляла Регина. Она представляла невесту Ивана Завадского этакой холеной стервой под метр восемьдесят ростом, с длин-

ными ногами и ультрамодной стрижкой «ночная хищница», а девушка оказалась обычной. И тем не менее отхватила себе классного мужика!

«И что он в ней нашел?» — с завистью подумала Регина, но тут же отругала себя за посторонние мысли. Она же на работе, здесь не место мелкой женской зависти! «Могла ли эта девушка убить?» — задала она себе другой, более правильный, вопрос.

В своей работе лейтенант Регина Светина крайне редко сталкивалась с убийствами, и ее студенческие знания по психологии убийц покрылись изрядным слоем пыли.

С середины прошлого столетия убийства на Земле стали случаться реже, и тому способствовал ряд факторов. Начать с того, что на планете не стало нищих. Конечно, на Земле остались богатые и бедные, и богатые могли себе позволить вещи, о которых бедным оставалось лишь мечтать... Зато уже лет сто, как на планете никто не голодал. У всех была какая-никакая крыша над головой, у всех желающих работать была работа, а не желающим трудиться государство платило пособие.

Система школьного образования везде была довольно гибкой. Базисные знания должен был усвоить каждый, а дальше по желанию: хочешь — дальше учишься, хочешь — работай, хочешь — проводи досуг, как тебе нравится. Главное — закон не нарушай!

О войнах человечество давно забыло, и границы между странами были условными. Мировую экономику контролировали корпорации, для которых не было границ.

Социальные достижения не пропали даром, и люди стали убивать друг друга реже. Никто уже давно не убивал ради еды — еда теперь была у всех. И все же убийства продолжались, их причинами были зависть, ревность, ненависть, а иногда и беспричинное желание кого-нибудь убить.

Проблему долго изучали ученые-психологи всех стран, и их выводы совпали. Главный вывод был таков: объективных причин для убийств в современном мире нет, все причины чисто субъективные. И что же с этим делать? Смертная казнь уже лет двести как запрещена. Ссылка в дальние колонии убийц особо не пугает, они и там продолжают убивать. Тут-то и решили обратиться к современной медицине. И медицина помогла, причем, как говорится, раз и навсегда!

Тридцать лет назад международной лигой государств был утвержден закон об обязательном исправлении убийц. Закон, естественно, не касался тех, кто совершил убийство защищаясь или по неосторожности.

Исправления боялись даже больше пожизненных сроков. Пожизненные сроки отбывали в дальних космических колониях, где жизнь была суровой, драматичной, но все-таки своей. Исправление оставляло убийцу на свободе, в привычных вроде бы условиях, но при этом меняло решительно все.

Регина Светина была ровесницей этого закона и лично убедилась в его эффективности. Убийств стало мало, реально мало, за десять лет работы в отделе «особо тяжких» она столкнулась с убийством всего лишь третий раз.

«Могла — не могла, не стоит гадать! — решила в итоге Светина. — Как там нам говорили на лекциях? Нужно исходить из предпосылки, что убить человека в принципе может любой, кроме того, кто исправлен. Так и поступим!»

Не подозревая, что за нею наблюдают, Ольга пропустила вперед самоходную тележку, покотившуюся напрямиком на кухню, и вошла в прихожую.

— Ваня, я приехала! — громко объявила девушка и следом за тележкой прошла на кухню. Тележка остановилась возле холодильника. Ольга открыла холодильник и стала загружать в него деликатесы из искусственного мяса, по запаху и вкусу неотличимого от натурального.

Искусственное мясо выращивали из культуры клеток на специальных производствах, что было проще и дешевле, чем содержать стада животных. Ольга слышала, что где-то в дальних

космических колониях люди едят натуральное мясо, но сама это мясо, как и большинство землян, никогда не пробовала.

Выгрузив продукты, она снова крикнула:

— Ваня, ты где?

В этот момент в дверном проеме возник молодой мужчина в полицейской форме. Ольга в недоумении на него уставилась.

— Старший лейтенант Борис Беркутов, — сухо представился полицейский. — Вы — Ольга Пенкина?

И было в этом коротком вопросе нечто такое, что заставило девушку мгновенно побледнеть.

— Да, а что случилось? — роняя упаковку с мясом назад в тележку, спросила Ольга. И вдруг, не дожидаясь объяснений, громко выкрикнула: — Ваня! Ваня! Иди сюда сейчас же! Ваня, здесь полиция!

Полицейский остался невозмутимым.

— Девушка, послушайте, давайте без истерик! — сказал он строго. — Занят ваш Иван — он беседует с моей напарницей. Ну а я, если вы не против, побеседую с вами.

Она так и осталась стоять возле тележки — бледная, испуганная, напряженная.

— Извините, пожалуйста! — произнесла она одеревеневшими губами. — Я просто очень испугалась. Подумала, что что-то случилось с Ваней.

Беркутов понимающе улыбнулся.

— Жив ваш Ваня и здоров, — произнес он ободряюще. — Чего, увы, не скажешь о его приятеле, Михаиле Рыжкине.

Девушка невольно вздрогнула.

— А что случилось с Мишей? — спросила Ольга, испуганно мерцая продолговатыми серо-зелеными глазами.

— Рыжкин убит, — буравя собеседницу профессионально-острым взглядом, ответил полицейский.

Ольга застыла, часто моргая, затем как-то неловко улыбнулась.

— А вы не шутите?

— Нет, не шучу, — мрачно ответил Беркутов.

Его цепкий взгляд по-прежнему буравил Ольгу.

Миловидное личико Пенкиной отразило вереницу чувств — недоверие, ужас, растерянность, потрясение, снова ужас... Наконец, она еле слышно спросила:

— Как это случилось?

Но полицейский не спешил раскрывать детали происшествия. Под его тяжелым взглядом Ольга почувствовала себя преступницей. И не в силах больше выносить этот цепкий взгляд, она выпалила:

— Вы Ваню подозреваете, да? Да только я ни секунды не верю, что он мог кого-то убить. Тем более Мишу! Они никогда не ссорились, по крайней мере, при мне, а если и ссорились по пустякам, то тут же мирились. Такие ссоры — не повод для убийства. Нет, это точно не Ваня. Лучше поищите среди этих!

— Это вы кого имеете в виду? — заинтересованно спросил Борис.

Ольга набрала в грудь побольше воздуха. Сейчас он, конечно, поднимет ее на смех, но это можно пережить.

— Инопланетных питомцев Завадского, — четко произнесла она.

— Вы это серьезно? — с ухмылкой спросил полицейский.

— Абсолютно, — насупилась девушка.

«Любопытно, что ею движет? — убрав ухмылку, подумал Беркутов. — Пытается выгородить жениха или всерьез подозревает „этих“? Хозяин дома утверждает, что все его питомцы не умней собаки. Выходит, что невеста с ним не согласна?»

— Интере-е-есная версия! — произнес он нараспев. — Что ж, алиби у этих тварей нет, но есть одна загвоздка. Убийца, судя по всему, неплохо разобрался во взрывчатке, а для этого нужны хорошие мозги. Например, как у вашего жениха. Прежде чем ехать сюда, я навел о нем справки. Он окончил Космическую Академию, а тупиц туда не принимают даже за большие взятки. Да тупица и сам туда не пойдет — зачем ему эта головная боль! А насколько умны ваши питомцы?

Чувствуя себя полной дурой, девушка пролепетала:

— Возможно, они умнее, чем кажутся.

И поспешно добавила:

— Но Ваня с этим ни за что не согласится.

Беркутов наконец отвел глаза от Ольги и быстро осмотрел кухню. Из всей кухонной мебели его заинтересовали только кресла на колесиках. Подойдя к ближайшему, он тяжело плюхнулся в него. Хлипкое с виду кресло легко выдержало грузного мужчину.

— Присаживайтесь! — предложил он девушке, указав на кресло рядом. Приглашение прозвучало так, словно хозяином дома был он, а Ольга просто зашла к нему на чай.

— И у вас есть доказательства их ума? — удобно расположившись в кресле, поинтересовался Беркутов.

Присевшая рядом с ним девушка отрицательно качнула головой.

— Скорее, интуиция. Знаете, когда я в доме, я что-то чувствую. Что-то давящее. Словно за мною кто-то наблюдает. Кто-то из них!

«А у нее, случайно, не паранойя?» — подумал Беркутов, а вслух спросил:

— И кто же это, по-вашему?

Пенкина растерянно развела руками.

— Не знаю. Они все такие странные, так не похожи на земных животных! Если вы их видели, то должны понять.

— О да! — легко отбрасывая казенный тон, воскликнул Беркутов. — Я видел их там, в гостиной. Жуткие создания! Меня особенно поразила шерстистая змея с маленькими ручками. Не понимаю, зачем змее эти ручки, да еще две пары... Она ведь просто ползает, я сам видел, для чего же ручки?

— Это Канат, змеехвост с Таона, — сообщила Ольга. — Ручками он удерживает пищу. Вообще-то он вегетарианец, как утверждает Иван, а с ним я спорить не могу. Только зубки-то у Каната о-го-го! Совсем не как у вегетарианца. Признаюсь, он сильно меня пугает.

— Да, эти ручки плюс острые зубки дают ему немалые возможности, — согласился Беркутов. — А он сообразительный?

— Возможно, — многозначительно произнесла Ольга.

— Возможно, невозможно, — недовольно пробурчал Борис. — Все это только слова, а мне нужны факты. Например, он выполняет какие-нибудь команды? Ну, хотя бы самые элементарные. Скажем, «лежать» или «к ноге»?

— Команды? — вновь растерялась Ольга. — Не знаю. Об этом спрашивайте у Ивана.

Достав из кармана салфетку, Беркутов вытер вспотевшее лицо. День был жарким, а кондиционер Завадский не включал — боялся простудить питомцев. Работал лишь потолочный вентилятор, но толку от него было мало.

— Странно... — бросив смятую салфетку на стол, произнес Борис. — Как давно вы живете в этом доме?

— Без малого три года, — смущенно ответила Ольга.

— И вы ни разу не пытались пообщаться с этим... Тросом или как его?

Пенкина возмущенно хмыкнула.

— Пообщаться с Канатом?! Нет уж, увольте! Он у меня не просто вызывает страх, он мне физически противен. Я, видите ли, с детства боюсь змей. Даже ужей, хотя они и безобидные. Для меня Канат — та же змея. Когда он в комнате, я стараюсь на него даже не смотреть.

Беркутов вытащил новую салфетку и промокнул взмокшую лысину.

— Прекрасно вас понимаю, я и сам змей боюсь. Ладно, бог с ним, с Канатом... Как насчет забавного мохнатого мячика? Уж он-то вам точно симпатичен!

Он ждал улыбки, но Ольга лишь нервно потерла руки.

— «Забавного мячика» зовут Чухендра, она, как и Канат, с Таона. Лично я не вижу в ней ничего особо симпатичного. Странное животное, дикое какое-то. Даже на кличку свою не реагирует.

Обрюзгшее лицо Бориса расплылось в улыбке.

— А может, ей просто не нравится кличка? Чухендра — это что такое? Зачем животному давать такую кличку?

— Не думаю, что дело в кличке. Этой твари не нравлюсь лично я. Михаил ей, кстати, тоже не сильно нравился.

Беркутов удивленно глянул на Ольгу.

— А как вы поняли, что Рыжкин не нравился Чухендре?

— Год назад она его укусила, причем безо всякой причины. Хорошо, что в доме был лопатинил.

Борис ослабил воротник рубашки и снова полез в карман за салфеткой.

— А точно укусила без причины? Может, Рыжкин ее обижал?

— Ну, разве что подшучивал... Но не в этом дело. Он не любит этих тварей, и они, похоже, это чувствуют. Вернее, не любил...

Вспомнив о смерти Рыжкина, девушка внезапно замолчала.

— Продолжайте, продолжайте! — бесцеремонно поторопил ее Беркутов. — В комнате было еще два питомца: один похож на студенистую каплю, другой — на зубастую синюю сову. Что скажете о них?

— «Капля» — это мегапротей, или попросту «амеба», — очнувшись от печальных дум, заговорила Ольга. — Она с Миманта. Ваня (вот чудак!) назвал ее Розалией. Очень странная форма жизни. Между прочим, способна к удивительной мимикрии, может принять форму любого предмета, например, ботинка или цветочного горшка. Однажды она превратилась в футбольный мяч, который выглядел ну очень натурально! Михаил чуть ногой ее не пнул, вовремя отползла. Иван считает ее мимикрию обычным защитным инстинктом, но я в этом не уверена. А может, это попытка контакта? В отличие от Чухендры, она не проявляет никакой агрессии.

Ольга искоса взглянула на Бориса, но его лицо было непроницаемым.

— Что касается «синей зубастой совы», — продолжила девушка, — то это зубокрыл с Таона. Его зовут Антей. Он не агрессивен, но по-своему хитер и склонен к воровству. Как-то схватил со стола мой браслет и куда-то запрятал. Браслет серебряный, достаточно массивный. Я искала тот браслет с металлоискателем, но так и не нашла!

Полицейский удивленно хмыкнул.

— Он что его — съел?

Пенкина улыбнулась.

— Может, и съел. А может, бросил где-то в доме, а съел браслетик кто-то другой. Ваня говорит, что на Таоне многие животные способны переваривать металл, а у нас сразу трое питомцев с Таона — Антей, Чухендра и Канат.

— Значит, в доме живут четыре питомца, — подытожил Беркутов. — Но, насколько я знаю, у Завадского восемь питомцев.

— Еще четверо живут в вольерах, — подтвердила Ольга. — Они довольно крупные, их в доме не поселишь.

— А те, что в вольерах, у вас вне подозрений? — с хитрой улыбкой спросил полицейский. Ольга простодушно улыбнулась.

— Не то чтобы совсем вне подозрений... Как бы вам это объяснить? Они более понятны, что ли... Более предсказуемы. К тому же, они заперты в вольерах, а там сенсорные замки. Открыть их можем только я и Ваня.

Беркутов на секунду задумался, затем спросил:

— А живущие в доме питомцы наружу выходят? У вас, я вижу, все окна металлическими сетками закрыты...

Ольга кивнула.

— А входная дверь изнутри закрыта на обычную защелку! Ваня свято верит, что никто из питомцев с ней не справится.

— Очень интересно, — промолвил Беркутов. Вздыхнув, он достал очередную салфетку и тщательно промокнул ею лицо и лысину. Ольга наконец-то догадалась предложить ему воды, и он благодарно кивнул.

— А зачем вообще Завадскому этот странный зоопарк? — спросил он, отхлебнув воды. — Он так любит животных, или тут что-то иное?

— Любил бы животных, завел бы собаку или кошку, — с усмешкой ответила Пенкина. — Тут иное. Иван тоскует по дальнему космосу. Он еще в отличной форме, мог бы летать и летать. Но четыре года назад их с Михаилом списали в запас.

— А почему так рано? — удивился Беркутов.

— Не прошли очередную медкомиссию. Многие из списанных уходят в ближний космос, там требования к здоровью не такие жесткие. А Ваня с Мишей предпочли работу на Земле. Не потому, что устали, а потому что ближний космос им не интересен. Так вот, для Вани эти твари — напоминание о дальнем космосе. Он как бы все еще там, понимаете?

Сентиментальность в голосе Ольги внезапно сменилась тревожными нотками.

— Разве сейчас это важно? Миша же погиб! Скажите мне, наконец, как это случилось?

Полицейский допил воду, тяжело поднялся с кресла и стал ходить по кухне.

— Скажите-ка, Ольга, кем вы работаете?

Пенкина улыбнулась и выпрямила спину. Профессия была предметом ее гордости.

— Я — учитель физики в старших классах.

— Вот как?!

Теперь полицейский смотрел на нее по-другому: вроде бы и с уважением (профессия учителя и так в почете, а тут еще учитель физики!), но при этом с явно возросшим подозрением.

— Так вы, значит, физику преподаете! И в позитронных батареях разбираетесь?

Ольга непонимающе уставилась на Беркутова.

— Немного разбираюсь, — настороженно ответила она.

— Они ведь отличаются невероятной прочностью, верно?

— Верно, — теряясь в догадках, ответила Ольга.

— А в домашних условиях можно как-то нарушить их целостность?

Девушка смотрела на Бориса настороженно, явно ожидая какого-то подвоха — уж очень странно он вел расспрос.

— Думаю, что это совершенно невозможно, — ответила она. — По «позитронкам» можно бить кувалдой, их можно бросать в печь, рядом с ними можно даже взрывать бомбы. Им абсолютно ничего не сделается! Температура, при которой плавится металл наружной оболочки, близка к температуре в эпицентре ядерного взрыва.

Беркутов задумался, затем попытался возразить.

— Но их ведь как-то вскрывают при утилизации?

Девушка победоносно улыбнулась.

— «Позитронки» не вскрывают! Когда заканчивается срок их эксплуатации, их партиями вывозят на Плутон. Там для них что-то вроде свалки...

— Надо же, как интересно! — с сарказмом воскликнул полицейский. — А ваш жених, похоже, с вами не согласен. Он считает, что их можно повредить. Он даже допускает «позитронки» с браком, с заводским браком!

— Он ошибается, — уверенно заявила Ольга. — Повредить их невозможно, а заводской брак и вовсе чушь. Ване простительно, он же не физик, он — астронавт!

— Но давайте представим, что оболочку батареи как-то повредили. Что тогда случится? Сразу последует взрыв? — продолжал развивать тему Беркутов.

— Не думаю, — вяло улыбнулась Пенкина. — Устройство позитронной батареи засекречено, но мне как физику известно чуть больше, чем обычным гражданам. У «позитронки» под внешней оболочкой из особо прочной термостойкой стали есть внутренняя оболочка из магнетопласта. Вот если и ее разрушить — тогда, конечно, будет взрыв.

Ее все больше тревожило странное поведение Беркутова. Вместо того чтобы расследовать убийство, он беседует с ней о «позитронках». И дались они ему!

— А как разрушить внутреннюю оболочку? — не унимался полицейский. — Ну, чисто теоретически...

Ольга задумалась.

— Пока цела наружная оболочка — никак, — наконец, выдала она. — Но если, чисто теоретически, наружную оболочку как-то повредить, то магнетопласт расплавится при нагреве. Температура его плавления не очень высока. Примерно четыреста градусов.

Решив, что с нее уже хватит, Ольга оборвала рассуждения.

— Я не понимаю, к чему все это! — холодно произнесла она. — При чем здесь вообще «позитронки»?

— Может, и ни при чем, — благодушно изрек Беркутов. — Да только ваш жених считает, что одна из них — причина смерти Михаила, что батарея в нагревателе была повреждена, и при нагреве случился взрыв!

Девушка изумленно смотрела на него. Прошла минута, другая. Из гостиной донесся голос Регины, она о чем-то спрашивала Ивана. Затем послышался голос Завадского — усталый, хриплый, измученный. Содержание их диалога разобрать было невозможно.

— Да нет, тут какая-то ошибка, — вновь заговорила Ольга. — Да с чего он взял...

— Пойдемте со мной, — прервал ее Беркутов.

Не заходя в гостиную, они вышли на крыльцо. Полицейский повел девушку туда, где на пологом берегу реки еще недавно стояла баня. Они обогнули дом, и Ольга не поверила своим глазам.

Бани не было! На месте бани был большой участок выжженной земли, на нем валялось несколько потрескавшихся камней и оплавленных кусков металла. Внутри участка все было покрыто мелким серым пеплом. За границами участка было чисто — никаких разнесенных взрывом бревен и обломков.

— И что здесь, по-вашему, произошло? — обратился к Ольге полицейский.

Учительница физики растерянно моргала и покусывала губы.

— Так что же здесь случилось? — снова задал вопрос Беркутов.

Ольга глубоко вздохнула и попыталась взять себя в руки.

— Я такого никогда не видела, но могу предположить, что здесь случился аннигиляционный взрыв малой мощности. Похоже, все-таки рванула «позитронка». Но я не понимаю, как это возможно. Я абсолютно ничего не понимаю!

Глава восьмая

Три планеты звезды Пси Октанта (небольшой, светло-желтой, по звездным меркам не очень горячей) были открыты около пятидесяти лет назад. Орбиты всех трех планет пролегали достаточно близко друг к другу и находились в зоне, комфортной для жизни. К радости первооткрывателей, все три планеты оказались обитаемыми, но шока данное открытие не вызвало (к концу двадцать второго века было открыто уже немало обитаемых планет, и общество успело к этому привыкнуть).

Долгое время три новых планеты почти не осваивались в связи их удаленностью от матушки-Земли и дороговизной полетов.

Наибольший вклад в изучение планет внесли первая и вторая экспедиции. Обе экспедиции пробыли в системе Пси Октанта по три года. За шесть лет на каждой из планет обустроили небольшую базу и составили отчеты по физическим условиям, по фауне и флоре, а также по полезным ископаемым каждой из планет.

Согласно тем отчетам, атмосфера на всех трех планетах оказалась очень близкой к земной атмосфере, что позволяло в перспективе создавать на них большие поселения, но, поскольку перенаселение Земли больше не грозило, эта перспектива представлялась очень отдаленной.

Что касается полезных ископаемых, то на Таоне, Гратионе и Миманте они в принципе имелись, но их транспортировка обошлась бы в сотни раз дороже, чем транспортировка руды со спутников Юпитера.

Все три планеты были богаты растительностью, которая, конечно, подлежала изучению, но отнюдь не в экстренном порядке. Как и животный мир. Увы, ни один из видов, населявших эти три планеты, не обладал разумностью. Надежда на исторический контакт с братьями по разуму в очередной раз рухнула. В Управлении дальнего космоса кто-то горестно развел руками, а кто-то (и таких было большинство) выдохнул с заметным облегчением. Ведь неизвестно, чего ожидать от так называемых «братьев по разуму». А вдруг они коварны, жестоки и воинственны? А вдруг война? Нет уж, спасибо! Мы и без них проживем.

На всех трех базах был оставлен минимальный штат сотрудников. Раз в пять лет Управление дальнего космоса проводило их ротацию, и каждый раз перед посылкой новой экспедиции вставал вопрос о полной ликвидации тамошних баз. Зачем, мол, тратить на них деньги налогоплательщиков?!

Ликвидацию баз на планетах Пси Октанта каждый раз откладывали. Так, на всякий случай, а вдруг там все же обнаружится нечто ценное. И оно действительно обнаружилось!

На Гратионе, самой дальней от звезды планете, исследовательская группа пятой экспедиции открыла некое растение, получившее название «лопатник», и это самое растение оказалось самым мощным стимулятором регенерации из всех, известных мировой науке.

Открытие, как это часто бывает, произошло совершенно случайно. Некто Геннадий, микробиолог пятой экспедиции, прогуливаясь без особой цели недалеко от базы, случайно свалился в глубокий овраг. Падая, он зацепился за какой-то острый камень, повредил скафандр и поранил себе голень. Кровь из раны била фонтаном, что грозило бедному микробиологу быстрой смертью от кровопотери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.